ГОЛОСЪ

ИЗЪ

РУССКОЙ АРМІИ.

Разоблаченія

Берлинъ.
Изданіе Іоанна Рэде.

„Пров 38“
„Пров 49“66
3956
24

Куда ни оглянешься, все степь да степь, а наши правильные, сомкнутые ряды словно составляютъ центръ этого охватившаго насъ мощнымъ кольцомъ однообразнаго пространства. Ровная, необъятная, съ выжженной солнцемъ травой, раскинулась степь широко — широко на всѣ стороны далекаго горизонта, и какой странный, оригинальный видъ имѣетъ затерявшаяся въ ней толпа солдатъ, какъ мала и ничтожна она въ сравненіи съ величественной степью!... Порою мнѣ кажется, будто мощный ураганъ, уносившій съ собою за тридевять земель тысячи людей, случайно уронилъ, проносясь прошлой ночью надъ степью, горсточку своей поклажи и оставилъ всѣхъ насъ здѣсь на произволъ судьбы. Но все это было не такъ. Не ошеломленные нашимъ неожиданнымъ паденіемъ, но утомленные сдѣланнымъ вчера длиннымъ переходомъ по степи, улеглись мы подъ защитой низенькихъ походныхъ палатокъ и провели такъ всю темную, беззвѣздную ночь, пока надъ степью сталъ рѣять легкій утренній туманъ. Забили тогда барабаны и, словно воспрянувъ отъ оцѣпененія, поднялись мы всѣ съ земли, начали поспѣшно собирать наши вещи и складывать разбитыя на ночь палатки. А затѣмъ, пожевавъ сухарей, мы пропѣли молитвы, надѣли аммуницію и стали строиться въ ряды, лѣвѣе отъ мѣста нашего ночлега, отъ этого изрытаго и истоптаннаго четырехъ — угольника, съ кучками сору и навозу тамъ и сямъ на немъ . . .

Было ясное августовское утро. Вѣяло пріятной про-

хладой. Чуть-чуть шуршала сухая, низкорослая трава. Небосклонъ, „объятый пожаромъ зари“, ронялъ свой розовый отблескъ на ржавую степь вокругъ насъ, на грязныя лица солдатъ, на фигуры полусонныхъ офицеровъ, на повозки съ сложенной уже офицерской и кухонной кладью и на водяныя бочки, съ вечера еще, какъ передавали по рядамъ, пустыя. Показалось вскорѣ и подернутое легкой дымкой солнце, и косые лучи его только что сверкнули на штыкахъ и дулахъ нашихъ ружей, когда нашъ полковникъ вскочилъ довольно бойко для своихъ лѣтъ на свою караковую лошадь и разглаживая по привычкѣ свои сѣдые, тщательно расчесанные бакенбарды поперемѣнно то правой, то лѣвой рукой, сталъ молодцовато объѣзжать наши ряды.

— „Здорово, братцы!“ раздается его слегка хриплый голосъ. — „Здравія желаемъ ваше высокоблагородіе!“ отвѣтили мы нестройнымъ хоромъ, съ особеннымъ удареніемъ на послѣднемъ „Е“, согласно распоряженію недавно назначеннаго начальника пѣхотной дивизіи, къ которой былъ приписанъ и нашъ N-скій резервный батальонъ.

— „Смирррно!“ командовалъ полковникъ: — „Подъ знамя! Слушай, на кра-улъ!“

Мы какъ то лѣниво и далеко не всѣ разомъ брякнули ружьями. Стоявшіе уже въ рядахъ офицеры еще лѣнивѣе взмахнули шашками. Батальонный оркестръ заигралъ сочиненный нашимъ же капельмейстеромъ торжественный маршъ, подъ звуки котораго Асколенко, нашъ знаменщикъ, коренастый, съ суровымъ выраженіемъ лица, унтеръ-офицеръ, взялъ съ земли лежавшее на барабанѣ знамя и медленно идетъ, въ сопровожденіи „ассистента“, рослаго и здороваго Андреева, къ своему постоянному мѣсту, въ третьей ротѣ, рядомъ со мной.

— „Ружья вольно!“... Мы снова брякнули.

— „Шагомъ маршъ!“ Мы зашагали. Музыканты перемѣнили мотивъ, заиграли нѣчто весьма бравурное и моментально взбили ногами пыль. Полковникъ поскакалъ на своей лошади впередъ. За нимъ поспѣшили господа ротные командиры, всѣ верхомъ, и батальонный адъютантъ, молодой поручикъ, съ выразительнымъ симпатичнымъ лицомъ.

— „Потопчись, ребята, на мѣстѣ, чтобы дистанція была“, отдалъ сначала приказаніе нашъ ротный командиръ, старенькій и обрюзгшій капитанъ Ермолаевъ, съ трудомъ взобрался затѣмъ на подведенную деньщикомъ популярную въ батальонѣ кобылу и сталъ догонять уѣхавшихъ впередъ офицеровъ.

— „Пойдемъ и мы“, предложилъ тогда, оборачиваясь назадъ, идущій въ рядахъ вблизи меня высокій, худой, съ запорожскими усами и впалыми щеками штабсъ-капитанъ Гречухинъ. Предложеніе было сдѣлано по адресу поручика Чернышева, шедшаго во главѣ второй полуроты. Я невольно оглянулся и лишній разъ увидѣлъ испитое и пошлое лицо низенькаго поручика, дѣйствовавшее на меня всегда отталкивающимъ образомъ. Оба они тотчасъ отдѣлились отъ рядовъ и зашагали въ сторонѣ отъ подымаемой солдатами пыли.

— „Гляди, побѣжали!“ сказалъ имъ въ догонку Плехинъ, мой сосѣдъ слѣва, длинный солдатъ, съ веснушчатымъ и некрасивымъ лицомъ, говорившій какъ то странно и для собесѣдниковъ непонятно въ носъ.

— „А ты помалкивай!“ строго замѣтилъ ему знаменщикъ, нашъ общій „взводный“: — „завтра не въ очередь въ дневальные заступишь“. — „Ну оставьте, Асколенко“, вступился я: „ужъ будто Плехинъ такъ провинился?“ — „Должо́нъ начальниковъ почитать“. — „Да я невзначай, г. взводный“. — „Невзначай и дневальнымъ будешь“. — „Можетъ быть, еще и не будешь“, говорю я весело:

„Асколенко тебя, навѣрное, проститъ“. — „Простите, г. взводный!“ — „Кто тебѣ позволилъ въ строю разговаривать? Хочешь еще одну „неочередь?“

Меня удивляетъ эта необычайная придирчивоеть Асколенки. — „Что это съ вами, Асколенко?“ говорю я ему шепотомъ, не желая вредить моимъ фамиліарнымъ обращеніемъ должному уваженію со стороны Плехина къ унтеръ-офицеру и своему „взводному“: — „Отчего вы такъ злы сегодня“? — „Вамъ тоже захотѣлось въ дневальные?“ грубо спросилъ онъ.

Объ Асколенко офицеры и солдаты отзывались всегда хорошо и называли его „службистымъ“, но я имѣлъ случай убѣдиться, что неуклонное его слѣдованіе предписаніямъ устава и преданность интересамъ службы были скорѣе показныя, нежели вытекавшія изъ его склада мыслей. Ненавидя всей душой военную службу и хорошо понимая всѣ ея тяжелыя и скверныя стороны, онъ твердо, однако, помнилъ о своей присягѣ и глубоко вѣрилъ въ святость ея. Поэтому онъ всегда неуклонно исполнялъ свои обязанности, сначала въ качествѣ рядового, затѣмъ унтеръ-офицера и „взводнаго“, и за четыре года своей службы онъ не былъ, кажется, ни разу наказанъ. Къ солдатамъ онъ былъ строгъ и требователенъ, но всегда въ предѣлахъ законнаго, за что многіе его уважали, а нерадивые побаивались.

Асколенко бывалъ, большей частью, угрюмъ и молчаливъ и только изрѣдка во время похода вступалъ въ разговоръ со мною и нашимъ общимъ начальникомъ изъ солдатъ, фельдфебелемъ (еще въ чинѣ старшаго унтеръ-офицера) Кузьмичевымъ, который рѣзко отличался характеромъ отъ Асколенки. Онъ былъ всегда веселъ и хорошо настроенъ, любилъ кумовать съ солдатами, охотно держался ихъ компаніи, чего не любилъ Асколенко, и никогда не отказывался отъ доброхотныхъ при-

ношеній въ видѣ закусокъ, чаю, сахару, табаку и булокъ, привезенныхъ для солдатъ родными изъ дому. Въ городѣ, глѣ стоялъ нашъ батальонъ, Кузьмичевъ, благодаря нѣкоторому ухарству, былъ своего рода кумиромъ среди горничныхъ и дѣвокъ, выходившихъ въ воскресные дни на базаръ полускать сѣмечекъ и „погулять“ съ солдатами. О вѣсскости въ глазахъ солдатъ онъ мало заботился, часто бывалъ несправедливъ, но иногда безконечно добръ и умѣлъ смотрѣть кое-на что сквозь пальцы, охраняя при этомъ, главнымъ образомъ, себя отъ нареканій начальства. Иногда на него находилъ „стихъ“, и онъ начиналъ глумиться надъ солдатами, показывая имъ осязательно всю свою власть надъ ними. Асколенко онъ сторонился, находя, что „человѣкъ онъ степенный, только мнѣ съ нимъ скучно“.

Какъ съ нимъ, такъ и съ Асколенко, я всегда ладилъ, тѣмъ болѣе что ни тотъ, ни другой меня никогда не тревожили назначеніями и т. п. Еще прошлой осенью, когда я только что былъ принятъ вольноопредѣляющимся и зачисленъ въ третью роту, жена капитана Ермолаева, не только имѣвшая большое вліяніе на своего мужа, но и частенько распоряжавшаяся за него по дѣламъ роты, а потому „назначившая“ меня репетиторомъ своихъ дѣтей, строго настрого сказала при мнѣ Кузьмичеву:

— „Я тебя, Кузьмичевъ, въ фельдфебели произвела, такъ помни: всегда мнѣ на стирку, огородъ полоть, или когда-что людей вдоволь посылай; кобылу моего мужа, какъ зеницу ока, стереги, а вольноопредѣляющагося и пальцемъ не смѣй трогать! Да и другимъ олухамъ тоже самое скажи! Какъ будто его даже въ ротѣ нѣтъ . . .“

Вотъ почему я смѣло могъ улыбнуться въ отвѣтъ на рѣзкій окрикъ Асколенки, хотя я и успѣлъ ко времени похода впасть въ немилость у жены ротнаго командира.

— Вотъ, паничъ, вамъ житьишко! снова прерываетъ общее молчаніе неугомонный Плехинъ: — Барственное! — Опять ты? вскричалъ Асколенко.

— Я, Плехинъ, за тебя одинъ разъ просилъ у Асколенки, а во второй разъ не стану, сказалъ я.

— Баринъ правду говоритъ, поддержалъ меня какой то солдатъ сзади. — Этакъ и мы говорить захотимъ, пробормоталъ сосѣдъ Плехина, красивый и стройный Петріенко. — А кто у насъ сегодня дежурный, ребята? спросилъ онъ уже совсѣмъ громко. — Мацюкъ, кажись ... — А не Барабановъ? — Сказалъ тоже! Барабановъ вчера заступилъ ... — Я слыхалъ, что Пирченко. Фельдфебель вчера говорили: у него неочередь...

Словомъ, плотина, которую каждое утро пытался сохранить въ цѣлости молчаливый Асколенко, оказалась, по обыкновенію, прорванной, и ему оставалось только недовольно махнуть рукой; настаивать онъ не могъ, такъ какъ разговоры въ строю во время похода нашимъ начальствомъ воспрещены не были. Я бывалъ всегда этому радъ, такъ какъ наши разговоры, какъ ни были они однообразны, были, кромѣ игры нашего оркестра и хорового пѣнія, единственнымъ нашимъ развлеченіемъ во время многочасоваго шаганія по однообразной степи. Я принялъ живѣйшее участіе въ разрѣшеніи всегда интереснаго для солдатъ вопроса о томъ, кто нынче дежурный, и вскорѣ для меня выяснилось, что дежурнымъ по ротѣ сегодня, дѣйствительно, Пирченко, а дневальными назначены: отъ нашего взвода Семенюкъ и Голобородько, а отъ второго взвода Евдвабный и Драмовъ.

— А когда наша рота въ караулъ заступаетъ? спросилъ кто-то изъ солдатъ, шедшихъ сзади. — Во вторникъ, рѣшаетъ, не задумываясь, Петріенко. — Анъ нѣтъ, въ среду. — Говори! — Потому, сегодня четвертая? — Вѣрно, братцы, въ среду. — Но завтра то суббота, такъ?...

Петріенко быстро посчиталъ по пальцамъ и доказалъ побѣдоносно, что нашей ротѣ придется нести караулы, именно, во вторникъ. А затѣмъ, на пару минутъ, всѣ смолкли — не стало общихъ темъ. Когда мы шли еще большой дорогой, между сжатыми полями, въ подобныя минуты общаго молчанія солдаты, обыкновенно, начинали гадать, сколько скирдъ хлѣба сложено въ извѣстномъ мѣстѣ, или сколько сноповъ въ скирдѣ. — „Темкинъ!“ слышится, бывало, въ сторонѣ: „сколько скирдъ подъ косогоромъ?“ — „Пятнадцать“, отвѣчаетъ спрошенный. — „Сказалъ! Семнадцать!“ — „Ой, братцы, всѣ двадцать . . .“ И цѣлый десятокъ голосовъ начиналъ считать скирды подъ косогоромъ или у межи. А Плехинъ, который, вообще, не могъ долго молчать и которому чуткая его наблюдательность вмѣстѣ съ резонерствомъ доставляли не мало хлопотъ, считалъ всегда телеграфные столбы: . . . „двадцать, двадцать одинъ, двадцать два . . .“ — „Брось, говорили ему солдаты: имъ счету нѣтъ“. — „Зачѣмъ брось? До ста я не знаю?“ . . . И солдаты начинали гурьбой считать столбы, вмѣстѣ съ Плехинымъ, путая числа, дѣлая поправки другъ другу и пересыпая свой счетъ прибаутками . . .

— „Эхъ, паничъ, и житье же вамъ“, говоритъ со вздохомъ тотъ же Плехинъ, который, очевидно, не можетъ не высказать засѣвшей у него въ головѣ коломъ мысли: — Васъ даже господинъ взводный наказать не могутъ.

— Не житье, а масляница, поддерживаетъ его Петріенко: тоже, говорятъ, для паничей службочка!

— Взводный командиръ имѣетъ право и вольноопредѣляющагося наказать, когда захочетъ, говоритъ положительнымъ и поучительнымъ тономъ нѣсколько успокоившійся Асколенко.

— Не когда захочетъ, поправляетъ ему молчавшій

до сихъ поръ „ассистентъ“ Андреевъ: а коли вольнопредѣляющійся противъ „уставчика“ провинится.

— Ну, не всегда еще и захочетъ, говорю я полушутя, зная, что право и истина въ данномъ случаѣ далеко не на моей сторонѣ. — Да и откуда вы взяли, что служба для меня лишь масляница сплошная? начинаю я протестовать: вѣдь, вотъ же на маневры я пошелъ? А ихъ за масляницу не засчитаешь . . .

— Это точно, скорѣе за великій постъ, поддержалъ меня Андреевъ, принадлежавшій къ тому типу солдатъ, которые, нахватавшись гдѣ то громкихъ словъ, употребляютъ ихъ гдѣ нужно и гдѣ ненужно, но подчасъ довольно мѣтко и характерно.

— А вы сегодня молодцомъ, держитесь крѣпко! высказываетъ мнѣ поощреніе Петріенко. — Да, сегодня я чувствую себя прекрасно! Только вотъ нарывы на ногахъ немного безпокоятъ. — А вы крѣпитесь, паничъ. — На меня глядите, шутитъ Плехинъ, дѣйствительно, твердо переносившій всѣ тягости похода. — На тебя глядѣть, рожу своротитъ, отрѣзываетъ Петріенко. — Коли рожа крива, неча на зеркало пенять, блещетъ своими знаніями Андреевъ. — А у тебя и кривого зеркала нѣтъ, отбояривается Петріенко. — Да перестаньте ерунду молоть! говорю я.

Солдаты опять замолчали.

Вскорѣ наше общее вниманіе обращается на еврея-барабанщика Пухлера и рыжеватаго его единовѣца Дрекслера, хорошаго сапожника и весьма сквернаго солдата. Оба они невѣдомымъ мнѣ образомъ очутились сегодня рядомъ другъ съ другомъ и страстно заспорили о чемъ-то на непонятномъ намъ всѣмъ жаргонѣ.

— Пошли жиды гиръ-гиръ, передразнилъ ихъ Петріенко. — И о чемъ это они промежъ себя все разговариваютъ? любопытствуетъ Плехинъ. — А тебѣ какое

дѣло? огрызнуля Пухлеръ. — Гляди, сердится! — Извѣстно, про себя говоримъ, про свои собственныя дѣла, снова говоритъ, перевирая чуть ли не каждое слово, Пухлеръ. — Про что? Какъ ты сказалъ? переспросилъ, обернувшись, Петріенко. — Глухому два обѣда не даютъ, исковеркалъ поговорку довольно бойкій Пухлеръ. Поднялся общій хохотъ. Посыпался рядъ шутокъ, и началась обычная шутливо-безобидная, хотя часто и переходившая за предѣлы дозволеннаго, травля обоихъ евреевъ. — Какъ поживаетъ твоя Хаечка, Дрекслеръ? начинаетъ перестрѣлку Петріенко. Дрекслеръ дѣлаетъ недовольное лицо и молчитъ.

— Ты намъ скажи, продолжаетъ ему надоѣдать Петріенко: ежели ты тамъ со своей Хаечкой, туда-сюда, кохаешься, то ты какъ? Ей колечко, себѣ колечко, и баста? Или васъ долженъ ряббинъ обкрутить? — А тебѣ не все равно? отвѣчаетъ, наконецъ, совершенно незлобивый, но глубоко, вѣроятно, уязвленный упоминаніемъ имени своей возлюбленной, Дрекслеръ.

— Вотъ такъ жидъ, и не отвѣтитъ! — Сказано, жидовское племя! . . . — Что за руготня въ строю пошла? возвышаетъ голосъ Асколенко.

Солдаты на мгновеніе словно опѣшили, но тотчасъ кто-то сзади насмѣшливо спросилъ: — „А ты, Пухлеръ, уже сегодня аммуничку на голову накладывалъ?

Оба еврея недовольны и молчатъ.

— Накладывалъ, отвѣчаетъ за Пухлера Плехинъ: Я дневальнымъ стоялъ, еще темно было. А они стоятъ у палатки, ремни обкрутили. Молятся, знай. Пока барабаны не били, то все жи-жи-жи . . . И до меня ни слова.

— Народъ богомольный, что и говоритъ, вставляетъ свое слово Андреевъ.

— И чудно это, ребята, продолжаетъ Плехинъ: при-

ходитъ Заглушинскій, — онъ дежурный былъ, — злющій, злющій, и говоритъ этакъ сердито: „кричи барабанщика!“

— Ты это къ чему? перебиваетъ придурковатый и третируемый всѣмъ взводомъ Ермиловъ, сосѣдъ Петріенко слѣва.

— До конца слушай, остолопья голова! ... Я кричу: „дежурный барабанщикъ, бей!“ А Пухлеръ стоитъ, да все: „жи-жи-жи“. Сердитый Заглушинскій, страсть! ...

— Поручикъ Заглухинскій, исправляетъ Плехину Асколенко.

— „Кто нонче дежурный барабанщикъ?“ А я до него: „Пухлеръ, ваше благородіе ... Той, что молится“.

— Ну? заинтересовался я.

— Велѣлъ отставить, лаконически закончилъ Плехинъ.

— Уваженіе, значитъ, имѣетъ до богомольнаго. — Хотя жидъ и молится не въ свое время ... — Это завсегда такъ бываетъ. — Будто? Я видалъ, поручикъ Чернышевъ разъ Дрекслера такъ пиханулъ, хошь тотъ и молился.

— Еще было это, ребята, съ Гершензономъ въ десятомъ году, начинаетъ сосѣдъ Ермилова, Залежный, „старый солдатъ“. — Какой это Гершензонъ?“ — Да тотъ лохматый, что во второмъ году въ запасъ пошелъ. — Такъ что? — Были мы это у стараго запаса въ караулѣ. Морозище былъ крѣпкій, снѣгъ тоже такъ и сыпитъ. Мы поздно смѣнились, а Гершензонъ послѣдней смѣной стоялъ. Пришли мы, значитъ, въ роту, а винтовки всѣ красныя. Я сейчасъ до масла, а Гершензонъ до молитвы ...

— Это вѣрно. Нашъ братъ съ караула пришелъ, винтовку почистилъ, и сейчасъ спать завалился. А жидъ тебѣ винтовку такъ побросаетъ, потому — молиться спѣшитъ.

— Кто винтовку чиститъ, кто такъ зря ходитъ, про-

должаетъ свой разсказъ Залежный; — а Гершензонъ сталъ у окна, да знай себѣ молится. Да вдругъ ротный нашъ... — Капитанъ Ермолаевъ? спрашиваетъ Плехинъ. — Кто, какъ не онъ? Дневальный, какъ по уставу полагается, сейчасъ: „встать!“ Стали мы всѣ смирно, а Гершензонъ не обернется и свое бормочетъ. Взводный его въ бокъ, а онъ все свое, да свое. А ротный нашъ возьми и нарвись: ты такой и такой, чего не обернешься и смирно не станешь? ... Тутъ Гершензонъ руки по швамъ, испугался, повернулся, да все бормочетъ. Ротный ему: „али ты сдурѣлъ?“ — „Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе, я молился“. Ну, тутъ ротный до него: „прости, голубчикъ“ ...

— Такъ и сказалъ? — Вотъ те святой крестъ ... И Залежный размашисто перекрестился.

Наши музыканты, наконецъ, прекратили свою шумную игру. Толстый, бритый капельмейстеръ отошелъ къ одной изъ группъ офицеровъ, и я вижу издали, какъ онъ угощаетъ ихъ водкой изъ своей фляжки. Это, конечно, вызываетъ „саркастическое“ замѣчаніе Плехина: — Сами, знай пьютъ, а нашему брату не дадутъ.

— Каша! откликается на это Андреевъ: что по офицерекимъ усамъ течетъ, то въ солдатскій ротъ не попадаетъ.

И инцидентъ исчерпанъ ...

Вотъ и опять въ нашемъ взводѣ нѣтъ общей темы. Кое-кто разговариваетъ съ сосѣдомъ, другіе молчатъ. Я уже съ четверть часа мирно бесѣдую съ Асколенко и подошедшимъ къ намъ Кузьмичевымъ о томъ, что они оба будутъ дѣлать на родинѣ, у себя въ деревняхъ, по окончаніи ихъ службы, тотчасъ по нашемъ возвращеніи домой съ маневровъ: я уже зналъ, что ни тотъ, ни другой на сверхсрочной службѣ оставаться не хотятъ.

— Я, Василій Александровичъ, землю опять пахать

буду, говоритъ мнѣ Асколенко: руки хотя до винтовки и привыкли, но и отъ сохи еще не отучились. Дѣло привычное. Что мнѣ въ городѣ дѣлать? Я женюсь, отъ отца отдѣлюсь и свое хозяйство заведу . . .

— Я такъ нѣтъ, излагаетъ свои планы Кузьмичевъ: мнѣ зачѣмъ жениться, коли я голъ и одинокій. Я пойду до помѣщика работать . . . Старшой буду, али прикащикъ. Хочу — служу, не хочу — до другого пойду. Дѣвокъ въ экономіи много, жисть вольная, и заботъ мнѣ мало. А надоѣстъ, такъ я волостнымъ писаремъ стану... Я счеты водить умѣю и письмоводству на службѣ научился . . .

— Сейчасъ, Кузьмичевъ, мы пѣть будемъ, прервалъ я его, замѣтивъ издали, что адъютантъ подъѣхалъ къ первой ротѣ и, отдавъ какое-то приказаніе, быстро отъѣхалъ снова впередъ.

— „Ой, такъ-ли?“ оживился Кузьмичевъ.

Дѣйствительно, изъ полуроты въ полуроту стали передавать распоряженіе адъютанта. — Пой! пой! кричали дежурные. — Пой! гаркнулъ и Плехинъ.

Кузьмичевъ обрадовался и сталъ хлопотать.

— Ребята, подровняйсь, что-ли! . . . Пѣсни играть будемъ! Вторая полурота, подтянись! Подходи, подходи ближе . . . А ты, Мацюкъ, чего смотришь? Гдѣ твой лѣвый флангъ? Второй взводъ куды это претъ? Осади назадъ . . . Ну, теперь начинай, ребята, да всѣ разомъ! А Плехинъ сегодня подъ ружье станетъ, чтобы въ другой разъ не кричалъ, когда не спрашиваютъ . . . Петріенко, запѣвай ты, что-ли?

— Что прикажете, господинъ фельдфебель? — Что хочешь, да позаористѣе, этакъ, чтобы и-ги-ги! — Разъчику-разъ! предлагаетъ Асколенко. — Дуй! да во всю! Чтобы нашъ ротный да издалека слышалъ, а другіе офицеры говорили: то третья рота заливается! Смотри мнѣ, всѣ лихо!

Оживленіе Кузьмичева передается и солдатамъ. — Запѣвай, кто тамъ. — А мы ужо знатно подтянемъ. — Господинъ фельдфебель, я говорю: „Внизъ по рѣчкѣ“. — И то такъ! Дуй, Петріенко, эту, а ту потомъ! Да соловьемъ! . . .

Очевидно, эта пѣсня пришлась по душѣ и Петріенко. Онъ немного пріосанился, подтянулся, поправилъ почему то фуражку на головѣ и даже другихъ пріободрилъ: „Такъ подтяните ужъ разомъ!“ . . .

Внизъ да по рѣчкѣ,
Внизъ да по казанкѣ,
Сизый селезень плыветъ . . .

. . . молодцовато и раскатисто затянулъ онъ и продолжалъ уже вмѣстѣ съ хоромъ солдатъ:

Ай да люли! ай да люли!
Сизый селезень плыветъ! . . .

Плехинъ вложилъ два пальца въ ротъ и засвисталъ; Андреевъ и еще кто-то стали гикать, и мы всѣ зашагали какъ-то бодрѣе и стройнѣе. Пѣніе солдатъ въ минуты хорошаго расположенія наэлектризовывало и меня.

Ай да люли! ай да люли!
Сизый селезень плыветъ! . . .

подхватываю послѣ второй строфы уже и я. Тоже самое дѣлаетъ улыбающійся во весь ротъ Кузьмичевъ. — „Лучше! Голосистѣе!“ командуетъ онъ послѣ каждой строфы. Только Асколенко и теперь не измѣняетъ своему обыкновенію и не подтягиваетъ. — „Знаменщикъ не долженъ пѣть“, говорилъ онъ не разъ Кузьмичеву или мнѣ, словно въ оправданіе. Но гдѣ нибудь на прогулкѣ или въ лагерной палаткѣ онъ также, бывало, никогда не пѣлъ, съ тѣхъ поръ какъ чинъ унтеръ-офицера позволялъ ему эту вольность.

Разъ! Разъ! Разъ-чику-разъ!
Нѣтъ! Нѣтъ! Не хочу я того,
Чтобы я йшла за него . . .

...доносится къ намъ отрывистый принѣвъ изъ рядовъ ушедшей шаговъ на сто впередъ первой роты. Ту-же самую пѣсню поютъ и въ четвертой.

Три деревни, два села,
Восемь дѣвокъ, одинъ я! . . .

выкрикиваетъ кто-то баскомъ совершенно сзади, въ пятой ротѣ.

— А мои что молчатъ? кричитъ издали, подъѣзжая на лошади, командиръ второй роты, толстякъ-капитанъ Румшевичъ, всегда раскачивающійся въ сѣдлѣ, что вызываетъ нескончаемыя остроты со стороны офицеровъ и шутки среди солдатъ.

— Мы, ваше высокоблагородіе, сейчасъ начнемъ, отвѣчаетъ капитану, приближаясь немного къ его лошади и отдавая степенно честь, фельдфебель второй роты, Грищенко. Онъ съ окладистой бородой, широкоплечъ и, вообще, имѣетъ манеры пожилого служаки, знющаго себѣ вѣсъ и цѣну. Онъ женатъ, имѣетъ сынишку, котораго хочетъ „воспитывать въ гимназіи“, и умудрился скопить на службѣ капиталецъ. Говорили, что даже гдѣ-то въ Херсонѣ дисциплинарный батальонъ помѣщался въ арендуемомъ у него домѣ.

— Но, вѣдь, я тебѣ приказывалъ, чтобы моя рота всегда во всемъ первая была! кричитъ на него капитанъ. — Мы, ваше высокоблагородіе, слушаемъ, что другіе поютъ, чтобы намъ начать особо, сталъ оправдываться Грищенко. — А ты запѣвай раньше и будешь пѣть особую! Ну, начинай! Да чтобы хорошо пѣли!

Разсерженный, побагровѣвшій капитанъ ускакалъ. Лошадь его, было, заупрямилась, но онъ ее злобно вздернулъ. Грищенко, котораго мы нагнали, поспѣшилъ къ своей ротѣ, и вскорѣ стали пѣть и тамъ съ разухабистымъ припѣвомъ:

— Ну, что-жъ, кому дѣло — ходила!
Ну, что-жъ, кому дѣло — родила! . . .

Звуки и мотивы совершенно перепутались, но мнѣ нравились этотъ шумъ и гамъ, съ которыми я успѣлъ свыкнуться за недѣлю похода и которые мнѣ подчасъ нужны были для того, чтобы я могъ забыться и прогнать мысли объ усталости. Я продолжалъ подтягивать возможно громче пѣсню, которую поетъ наша рота, и Кузьмичевъ даже счелъ нужнымъ одобрить меня словами:

— Нашъ вольноопредѣляющій знатно поетъ! . . .

А я считаю нужнымъ воспользоваться его одобреніемъ и киваю многозначительно въ его сторону головой. Кузьмичеву памятенъ мой ароматическій чай, распиваемый нами совмѣстно на стоянкахъ въ деревняхъ, и онъ, понявъ меня, даетъ тотчасъ знакъ согласія. Я выскользнулъ изъ рядовъ и пошелъ рядомъ съ нимъ, въ сторонѣ отъ солдатъ и взбиваемой ими пыли. Хорошее настроеніе не покидало меня, и когда солдаты закончили уже вторую пѣсню, я сталъ предлагать третью: — А ну, Петріенко, затяни-ка скоромную! — Какъ господинъ фельдфебель скажутъ. — Не надо, ребята! Небось, нагоритъ еще за скоромную. — Да вѣдь скоромная веселѣе, защищаю я свою идею. — А все не надо, не соглашается Кузьмичевъ: — безъ начальства не надо! Зачѣмъ распекать даромъ будутъ, и на меня ротный нарвется? Не такъ-ли, ребята? . . .

Авторитетъ и популярность Кузьмичева одерживаютъ верхъ, и Петріенко затягиваетъ, по предложенію Аскоченко, „меланхолическую“ пѣсню.

. . . „Что вы, пташки — канарейки
Не летайте высоко,
Бо сама я добре знаю,
Что мой милый далеко-о-о-о! . . .

выводитъ онъ, перевирая слова и грустный мотивъ.

— Брось, только скуку наводишь, говоритъ Кузьмичевъ. А сзади насъ запѣли въ это время самую залихватскую, хоть и „скоромную“, т. е. съ непечатнымъ содержаніемъ, пѣсню:

Распустила Феня косы,
А за нею всѣ матросы! . . .

такъ и льются бойкіе звуки.

— Слышите, слышите, Кузьмичевъ? досадую я: вотъ тамъ весело! Возьму и уйду въ четвертую роту. — Идите! А мы и безъ васъ не заскучаемъ, отрѣзываетъ Кузьмичевъ. — Петріенко, начинай мою любимую! — Что съ букетомъ? — Ее, ее!

Я круто поворачиваю назадъ, и иду къ рядамъ второй полуроты и слышу, какъ Андреевъ посылаетъ мнѣ въ догонку: — Ушла наша библіотека!

— Къ намъ жалуете? обращается ко мнѣ идущій во главѣ второй полуроты старшій унтеръ-офицеръ Мацюкъ, довольно красивый парень, съ потрескавшимся въ походѣ лицомъ.

— Да вотъ, съ фельдфебелемъ поссорился изъ-за пѣсни, говорю я ему и начинаю шагать рядомъ съ нимъ.

— Это точно. Какъ онъ роту ведетъ? Какія это мы пѣсни поемъ? Срамъ одинъ передъ ротами! . . .

Мацюкъ тянетъ лямку на „повторительной службѣ“ уже года три и считается бравымъ служакой чуть ли не на славу всему батальону, главнымъ образомъ, благодаря своей настоящей солдатской выправкѣ, груди колесомъ и большой ловкости въ движеніяхъ. Къ тому-же, онъ расторопенъ, вслѣдствіе чего его всегда назначаютъ ординарцемъ къ пріѣзжающимъ ревизовать батальонъ генераламъ, — хорошо стрѣляетъ, отлично командуетъ и умѣло преподаетъ „молодымъ“. Но по отношенію къ солдатамъ онъ черствъ и мелоченъ, и его, кажется, не любили ни солдаты, ни офицеры. По на-

стоянію жены ротнаго командира, Мацюкъ былъ въ прошломъ году при назначеніи новаго фельдфебеля обойденъ старшинствомъ и очередью. Поэтому онъ всегда и всюду съ видомъ и тономъ знатока любилъ критиковать распоряженія и поступки Кузьмичева, и онъ собирался уже хлопотать объ отставкѣ, когда узналъ, что ни Кузьмичевъ, ни пользовавшійся симпатіями г-жи Ермолаевой другой опасный конкуррентъ его, Асколенко, на сверхсрочной службѣ не остаются. Черезъ мѣсяцъ бразды правленія ротой должны были перейти въ его руки. Его многолѣтняя мечта была близка къ осуществленію, а я былъ радъ за себя, что мнѣ-то ужъ не придется служить подъ его начальствомъ.

Было у Мацюка еще одно больное мѣсто — его красота и постоянный уходъ за нею. Пятикопеечное зеркальце, гребешокъ и старая щеточка были всегда при немъ, и онъ зналъ объ употребленіи для тѣхъ или иныхъ цѣлей различныхъ мазей или мыла.

— А вы не знаете хорошаго средства, чтобы лицо не трескалось? спрашиваетъ онъ меня теперь: говорятъ, деревянное масло помогаетъ? . . .

— Вы бы лучше глицерину достали.

— Куда! Я еще въ городѣ за 25 копеекъ мыло Пульцъ пробовалъ, тоже глицериновое. А все не помогаетъ, все трескается. Я теперь не бреюсь: можетъ, закроетъ! А то просто бѣда. Вотъ придемъ мы въ чужой городъ — какъ я на людяхъ покажусь? . . . Ты это чего слушаешь? — окрикнулъ онъ своего сосѣда — рядового: — коли вся рота поетъ, исполняй свои обязанности!

Обратившись снова ко мнѣ, Мацюкъ сталъ выкладывать свои дальнѣйшія познанія по косметикѣ и гигіенѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ я уже бесѣдовалъ съ Пухлеромъ, съ которымъ, какъ и съ другими солдатами, я

познакомился ближе лишь въ походѣ. Пухлеръ былъ типичный еврей, съ черной бородкой и юркими глазами, худой и подвижной, прямая противоположность лѣнивому, мечтательному и заплывшему жиромъ Дрекслеру. Какъ и всѣ „старые“ солдаты, Пухлеръ любилъ бесѣдовать на тему о скоромъ возвращеніи на родину, куда-то въ мѣстечко около Гродно, къ отцу сапожнику, ужаснѣйшему, по его словамъ, бѣдняку. А такъ какъ день перехода „въ первобытное состояніе“ былъ желаннымъ и для меня, то у насъ съ Пухлеромъ часто завязывалась довольно интимная бесѣда.

— Развѣ-же для васъ тоже существуетъ служба, говоритъ онъ мнѣ, коверкая чуть-ли не каждое слово, тономъ, въ которомъ мнѣ слышались и горечь, и зависть, и упрекъ: — г-мъ, такая хорошая служба! Вашъ папаша, должно быть, генералъ?

— Нѣтъ, онъ умеръ въ чинѣ майора.

— Умеръ? Такъ вы, навѣрное, много жалованія получаете?

— Ни гроша. Напротивъ, моя служба мнѣ самому еще весьма дорого обходится: квартира, мундиры, и т. д.

— Дорого стоитъ? Такъ поэтому вы идете такъ скоро въ запасъ, а мы всѣ служимъ четыре года?

Я объясняю Пухлеру, что служу лишь одинъ годъ въ батальонѣ потому, что поступилъ на военную службу добровольцемъ, не ожидая пріема по рекрутскому набору. Но Пухлеръ меня плохо понимаетъ.

— Какъ жаль, что я этого всего раньше не зналъ, говоритъ онъ и качаетъ головой. — Я бы тоже пошелъ на одинъ годъ. У насъ многіе пошли бы . . . Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ? Я скажу моему брату, онъ тоже пойдетъ раньше набора . . .

Къ сожалѣнію, мнѣ пришлось разочаровать Пухлера и объяснить ему подробно, почему ни онъ, ни его братъ

не могутъ поступить на военную службу вольноопредѣляющимся, да только лишь на одинъ годъ.

Рота наша, между тѣмъ, пѣла уже четвертую или пятую пѣсню. Нестройно и осипшими голосами солдаты выкрикивали:

Ура! Ура! Ура!
За Русскаго Бѣлаго Царя!

А Дрекслеръ, весь отдавшійся какимъ-то грезамъ, можетъ быть, о скоромъ свиданіи со своею возлюбленной, бормочетъ подъ носъ, сильно картавя и въ тактъ припѣву:

Ура! Ура! Ура! Нохъ ейнъ мулъ (еще одинъ разъ) ура!
Ура! Ура! Ура! Нохъ ейнъ мулъ ура!

Наконецъ, пѣніе прекратилось: сначала въ четвертой ротѣ перестали глотки драть, а потомъ и другія роты послѣдовали ея примѣру.

Вскорѣ нашъ адъютантъ снова подскакалъ къ рядамъ первой роты. — Кури! закричалъ онъ. — Кури! закричали въ первой ротѣ, и дежурные стали передавать по рядамъ приказаніе, — вѣрнѣе, разрѣшеніе полковника курить. — Кури-и-и! Ку-у-ури! слышалось съ разныхъ сторонъ и на всѣ лады.

Кузьмичевъ опять оживился.

— Курнемъ, ребята, что-ли? Кто поднесетъ мою винтовку?

— Я! сказалъ Плехинъ.

— Вотъ я поднесу, предложилъ свои услуги другой солдатъ.

— Ужо я возьму, г. фитьфебель, протянулъ руку Ермиловъ.

— Плехинъ сегодня провинился, вспомнилъ Кузьмичевъ и передалъ свою винтовку Плехину, безпрекословно повиновавшемуся и носившему винтовку Кузьмичева минутъ десять, пока тотъ свертывалъ папиросу и выкуривалъ ее съ видимымъ наслажденіемъ. Задыми-

лись „цыгарки“ и среди солдатъ, которымъ я уже раньше отдалъ всю имѣвшуюся у меня газетную бумагу. Курили почти всѣ; тѣ-же, которые не имѣли табаку, пользовались окурками другихъ. Счастливый владѣлецъ папиросы, обыкновенно, никогда не дѣлился съ просившимъ „потянуть“ по-товарищески; наоборотъ, онъ выкуривалъ папиросу до того, что огонь начиналъ уже обжигать ему пальцы и губы, и только тогда передавалъ ее просившему. А тотъ все же умудрялся затянуться еще раза два — три.

Куреніе стало, конечно, и главной темой разговоровъ. Асколенко сдѣлалъ обычный презрительный жестъ рукою и пробормоталъ: „какая отъ этого табачища польза?“ А Андреевъ чуть-ли не въ сотый разъ подшучиваетъ надъ Ермиловымъ, стараясь, къ общему удовольствію непритязательныхъ солдатъ, увѣрить того, что въ его губерніи курящаго мужчину называютъ „курьеромъ“, а курящую женщину „курвой“.

— А ты курносый! отрѣзываетъ на этотъ разъ Ермиловъ, но брошеннымъ на Петріенко взглядомъ показываетъ всѣмъ, что этотъ отвѣтъ не его, Ермилова, ума дѣло . . .

А у меня лично наступила обычная послѣ утренняго возбужденнаго состоянія реакція.

Я снова чувствовалъ потребность уйти въ себя, замкнуться совершенно отъ этихъ чуждыхъ мнѣ и грубыхъ людей, — и шелъ молча, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ роты, не обращая вниманія но посылаемыя мнѣ въ догонку шутки, на которыя раньше получасомъ я столь охотно откликался.

2.

Мацюкъ чуть ли не въ десятый разъ поигралъ часами, полученными имъ недавно за „отличную стрѣльбу“, и въ ротѣ стали передавать, что теперь десятый часъ. Мы уже прошли нѣсколько верстъ отъ мѣста ночлега. Солнце поднялось довольно высоко, и его сіяніемъ залитъ весь широкій горизонтъ, однообразный до надоѣдливости: нигдѣ вокругъ ни деревца, ни кустика, ни холмика, — ничего, на чемъ глазъ могъ бы отдохнуть. Кажется, около сутокъ уже и кургана намъ на пути не попадался. Хоть бы большую дорогу пересѣкли: авось людей встрѣтимъ новыхъ, свѣжихъ, интересныхъ. А всѣ окружающіе примелькались, надоѣли . . . Въ эти минуты нашъ батальонъ кажется мнѣ ужъ чѣмъ-то единымъ со степью, неразрывно связаннымъ съ нею, живущимъ съ ней одной общей жизнью. И началась будто эта совмѣстная жизнь давно — давно, и конца — краю ей не видать. Даже вонъ всѣ лица отъ насѣвшей пыли черныя — черныя, словно земля подъ нашими ногами; только ржавости этой нѣтъ . . . И пропитанныя потомъ грязныя рубахи, и запыленные шаровары — все это такъ сѣро и однообразно . . .

Привыкли мы уже къ степи, знаемъ ее и даже освоились отчасти съ ней, но не любимъ мы ея. Меня она сначала интересовала новизной. Теперь я ее словно ненавижу: ужъ слишкомъ много лишеній сопряжено для меня со степью! И мало нахожу я въ ней могучаго, захватывающаю, поэтическаго! Нѣтъ, не та это степь, которой описавшіе ее русскіе поэты посвятили такъ много вдохновенныхъ строкъ, не та! . . . Но вѣдь и жизнь наша въ степи далеко не привольная, не та, полная прелести и поэзіи, какою изображали ее наши

лучшіе поэты. Не чумаки мы всѣ и не вольные казаки, а царскіе солдаты, и нѣтъ ни у кого изъ насъ столь необходимой здѣсь, въ широкой степи, широкой свободы. Не туда мы идемъ, куда хотѣлось бы намъ, и не то, совершенно не то, къ чему влечетъ насъ, мы дѣлаемъ. Я, вотъ, развалился бы сейчасъ на землѣ, сбросилъ бы съ себя всю тяжелую аммуницію, обнажилъ бы грудь и сталъ бы грѣться и дремать на солнышкѣ; да еще упросилъ бы Петріенко затянуть какую-нибудь малороссійскую пѣсню ... Но я все же иду впередъ, какъ идутъ всѣ, и солдаты, и офицеры, идутъ, куда итти намъ наше высшее начальство приказало ... Помнится, будучи гимназистомъ, не находилъ я никакой поэзіи у римскихъ и греческихъ классиковъ, потому что съ чтеніемъ ихъ сопряжено было заучиваніе словъ и правилъ сухой, скучной грамматики. Такъ и степь, навѣрно, не чаруетъ меня своими красотами, потому что мною руководятъ другіе, чужіе мнѣ, далекіе люди ... И въ этотъ моментъ весь нашъ батальонъ кажется мнѣ какимъ — то стадомъ животныхъ, которое безсмысленно шагаетъ туда, куда его гонятъ, если не непосредственно палкой, то страхомъ суроваго наказанія ... Что же еще заставляетъ двигаться впередъ эту толпу солдатъ, изъ которыхъ лишь немногіе знаютъ толкомъ — куда и зачѣмъ они идутъ? А все же идутъ и идутъ ...

Вотъ ужъ четыре дня мы ходимъ по какимъ-то непроѣзжимъ дорогамъ, или напрямикъ черезъ высохшую степь. Бываетъ, по цѣлымъ долгимъ часамъ ни капли воды не имѣемъ, когда запасъ въ нашихъ баклагахъ и бочкахъ изсякаетъ, а деревня долго не попадается. Солдаты разъ даже говорили, что еслибы дождь пошелъ, то они изъ лужъ напились-бы, не смотря на то, что полковникъ и докторъ строго — на́ строго запретили. Вмѣсто обѣда мы получаемъ теперь разъ въ сутки

жиденькую кашу на салѣ, да сухарей вволю. Спимъ на голой землѣ въ низенькихъ походныхъ палаткахъ, подъ которыми даже сидѣть нельзя, и въ первый разъ въ жизни приходится мнѣ спать, не снимая на ночь одежды, не мыться изъ-за недостатка воды, носить пропитанное грязью и потомъ бѣлье, не ѣсть во-время, проводить вечерніе часы во тьмѣ. Все это меня, понятно, тяготитъ и гнететъ. Солдатамъ — тѣмъ легче: они всѣ здоровѣе меня, и у нихъ нѣтъ вкоренившихся съ дѣтства привычекъ къ удобствамъ культурной жизни . . .

Утромъ, обыкновенно, съ освѣженными сномъ силами, я бывалъ бодрѣе и хорошо настроенъ. А позже, днемъ, мои ружье, сумка и шинель натирали мнѣ до боли грудь, спину и плечи. Вотъ и теперь, тѣло, отдохнувшее, было, за ночь, снова ныть стало. Рука болитъ винтовку держать; каждый разъ съ плеча на плечо перекладываю. Голова снова тяжелѣетъ — знакомые признаки! Да и ходить ужъ надоѣло . . . Отчего это полковникъ еще не дѣлаетъ привала? Давно пора — бы . . .

Нѣтъ, надо, видно, родиться въ степи и свыкнуться съ ней и ея природой съ дѣтства, чтобы легко переносить лишенія, связанныя съ жизнью среди нея! Вотъ хоть Плехинъ — тому все нипочемъ! А мнѣ тяжело и какъ-то жутко въ степи . . . Нѣтъ простора для воли, и даже степь кажется тѣсной; только подавляетъ безконечностью, гнететъ однообразіемъ. Скоро-ли ей ужъ конецъ будетъ? Выдержу-ли я до конца похода и маневровъ или свалюсь съ ногъ? . . .

Я задаю себѣ эти и тому подобные вопросы, преслѣдующіе меня въ послѣдніе два дня довольно часто, шагаю задумчивый въ сторонѣ отъ солдатъ и снова начинаю перебирать въ своей памяти разные эпизоды и отдѣльныя подробности нашего тяжелаго похода „мирнымъ порядкомъ“ . . .

Словно снова предо мною грязныя, запыленныя сѣни, съ затканными паутиной углами и сваленнымъ на полу всевозможнымъ хламомъ. У оконца съ выбитыми стеклами стоитъ столикъ, сплошь заваленный книгами, съ слоемъ пыли на нихъ. Мы сидимъ у столика, я и пишущій подъ мою диктовку худенькій, рыжеватый мальчикъ лѣтъ 12-ти, съ веснушчатымъ лицомъ и косящими глазами, сынъ моего ротнаго командира. Я отмахиваюсь тетрадкой отъ назойливыхъ мухъ и, диктуя монотонно скучную статейку изъ хрестоматіи, злюсь на невыносимую жару, на тупицу — ученика, умудряющагося сдѣлать ошибку чуть ли не въ каждомъ написанномъ словѣ; злюсь на деньщика, укачивающаго ребенка какимъ — то нечеловѣческимъ мурлыканьемъ и бульканьемъ, на проѣзжающихъ по немощенной дорогѣ и подымающихъ столбы пыли извощиковъ и на всю несчастную долю, изъ — за которой я долженъ сидѣть здѣсь и претерпѣвать столько мукъ разомъ. И все это — въ благодарность за облегченія по службѣ, дѣлаемыя для меня ротнымъ командиромъ или, вѣрнѣе, его женой. А впереди еще урокъ игры на старомъ разбитомъ піанино, получасовый урокъ сестрѣ моего ученика, такой же тупицѣ, какъ и онъ!

— „Тогда на россійскій престолъ вступила Екатерина Великая“, диктую я и замѣчаю, что мой ученикъ пишетъ „прѣстолъ“, хотя я ему уже раза 2 исправилъ туже ошибку.

— Да пишите же „престолъ“ съ „е“, говорю я зло: сколько разъ я вамъ говорилъ уже это!

Мой ученикъ смотритъ на меня безсмысленно тупымъ взглядомъ, зачеркиваетъ букву „ѣ“, ставитъ сверху кляксу вмѣсто „е“, подымаетъ пыль, ища среди книгъ проточной бумаги и, словно теперь только вспомнивъ, говоритъ мнѣ:

— Мамаша просила васъ сегодня послѣ урока поговорить съ нею.

Его слова мнѣ совершенно не нравятся. Я хорошо знаю, что его мамаша сварливая женищина, въ присутствіи которой мнѣ часто приходится молчать, такъ какъ я вполнѣ завишу отъ нея и ея капризовъ и настроеній. Къ тому же сегодня я чувствую за собой нѣкоторую вину: четыре дня я не являлся выполнять свои педагогическія обязанности, навязанныя мнѣ г-жей Ермолаевой еще прошлогодней осенью.

— „Ближайшимъ помощникомъ ея по управленію государствомъ былъ . . .“, продолжаю я диктовать, стараясь предугадать, будетъ ли меня г-жа Ермолаева ругать за пропускъ уроковъ или же она имѣетъ для меня новое порученіе, давать которыя она была всегда такая мастерица? . . .

Вскорѣ появляется на порогѣ сѣней она сама, толстая, грязная и къ тому же беременная, въ разстегнутой кофточкѣ и подоткнутой юбкѣ. Увидѣвъ меня, она на мгновеніе останавливается, затѣмъ выражаетъ на потномъ, заплывшемъ лицѣ удивленіе и, наконецъ, говоритъ:

— Явились? . . . Учите? . . . Воспитываете? . . . Я вамъ очень, очень благодарна за ваши труды. Мило вы поступаете со мной, нечего сказать. Отчего это вы не были цѣлую недѣлю?

— Я, Марья Андреевна. . . .

— Не оправдывайтесь! Никакія оправданія вамъ не помогутъ, потому что я зла на васъ до чертиковъ. Когда вамъ нужно отъ бѣды спасаться или отъ ученій удирать, тогда вы ко мнѣ приходите. А когда я васъ же прошу немного съ дѣтьми позаняться, такъ вы по цѣлымъ недѣлямъ пропадаете?

— Но, Марья Андреевна, это же было въ первый разъ, и всего то лишь три дня . . .

— Четыре, вставилъ мой ученикъ.

— А если даже четыре? . . . Я позаймусь съ дѣтьми лишнее время . . .

— И слышать ничего не хочу! И не говорите мнѣ ничего! Нѣтъ, это возмутительно! У Пети по русскому языку передержка, Петя въ иностранныхъ языкахъ плохъ, а онъ, его учитель, по цѣлымъ недѣлямъ преподавать не ходитъ! А что успѣла Роза? Даже ни одной польки не выучила за все лѣто. . . . Срамъ предъ гостями, когда хочется повеселиться. . . . Вѣдь, у нея пальцы совершенно не развиты, а вы по цѣлымъ недѣлямъ носа сюда не показываете?! . . . За это вы, сударь мой, пойдете на маневры! . . . Пойдете! Божусь вамъ Іисусомъ Христомъ въ томъ, что пойдете на маневры непремѣнно, хотя я прежде и рѣшила, было, не посылать васъ. А теперь ужъ дудки, такъ не отдѣлаетесь! Думаете, что вамъ, можетъ быть, полковникъ поможетъ? Не поможетъ! Не на такую вы напали, что полковника испугалась. Я прикажу мужу, чтобы васъ взяли на маневры всенепремѣнно! Я все могу: и отъ службы освободить, и на тяжелыя работы посылать, все! Въ запрошломъ году служилъ у меня вольноопредѣляющимся одинъ фармацевтъ, такъ я что для него сдѣлала? Его братъ съ моими дѣтьми занимался, а самъ онъ полгода въ другомъ городѣ въ аптекѣ служилъ! Да! . . . Брось, Петя! Довольно заниматься! Съ насъ науки хватитъ. А вы, сударь, можете итти домой и начните собираться въ походъ. Чрезъ недѣлю батальонъ выступаетъ. Узнаете, что это за прелесть. До свиданья! . . .

И разъяренная командирша ушла, таща за руку своего первенца, обрадованнаго, конечно, тѣмъ, что отнынѣ онъ сможетъ отдаться вполнѣ своимъ любимымъ голубямъ . . .

— — — — — — — — — — — — — — — — — —

Вспоминается мнѣ и плацъ предъ лагерями за городомъ Н., почти у обрыва надъ рѣкой. На плацу стоитъ стройными рядами весь нашъ батальонъ, выстроенный четыреугольникомъ. Почти всѣ наши офицеры также на своихъ мѣстахъ. Посреди образовавшагося четыреугольника поставленъ принесенный изъ гарнизонной церкви аналой, около котораго хлопочутъ два солдата. Они уже принесли нашу батальонную икону, Евангеліе, чашу со св. водой и узелокъ съ ризой. Сейчасъ начнется молебенъ, и на лицахъ чуть ли не у всѣхъ замѣтно торжественное, нѣсколько приподнятое настроеніе.

На всѣхъ солдатахъ походная аммуниція, которая ужасно давитъ меня, совершенно непривыкшаго къ ней, и держитъ словно въ клещахъ всю верхнюю часть моего туловища. Боже мой, сколько я навалилъ на себя! У ноги ружье, чрезъ плечо скатанная шинель съ привязанными къ ней частями палатки и котелкомъ, чрезъ другое плечо „вещевая сумка“, въ которую я вложилъ сравнительно немного, потому что вмѣстѣ съ вещами ротнаго командира повезутъ и мой чемоданъ съ бѣльемъ и необходимыми предметами, но въ которую я всунулъ выданные мнѣ каптенармусомъ мѣшечки съ сухарями и — для чтенія во время стоянокъ — два тома сочиненій Глѣба Успенскаго. Да еще: баклага съ водой на ремешкѣ и на поясѣ двѣ сумки съ сотней тяжелыхъ патроновъ.

Послѣдняя команда гласила: „Стоять вольно, оправиться!“ Солдаты, вдоволь высморкавшись и откашлявшись, подтягиваются и перешептываются. Нѣкоторые офицеры разговариваютъ другъ съ другомъ, но не выходятъ, однако, изъ рядовъ, потому что опасаются нашего суроваго подполковника, который только что накричалъ на подпрапорщика Карнухина за то, что тотъ явился на молебенъ безъ шинели чрезъ плечо. Теперь под-

полковникъ стоитъ неподалеку отъ аналоя, въ центрѣ группы ротныхъ командировъ — онъ выше ихъ всѣхъ на цѣлую голову, и читаетъ имъ рѣчь на тему, вѣроятно, о подпрапорщикахъ и дисциплинѣ. А я не могу оторвать глазъ отъ жалкаго вида бывшихъ лагерей, гдѣ еще суетятся нѣсколько остающихся дома „для несенія караульной службы“ солдатъ. Палатки всѣ сняты, и какъ-то уныло и жутко должно быть среди глиняныхъ основаній ихъ и тощихъ деревьевъ, съ высохшими листьями. . . . Дуетъ вѣтерокъ, и насъ обдаетъ пылью. Мнѣ жарко, я безпрестанно обтираю потъ съ лица и думаю про себя: „начинаются прелести похода“. Но меня занимаетъ новизна впечатлѣній. Я уже окончательно примирился съ мыслью, что мнѣ приходится итти въ походъ и на маневры; я даже радъ отчасти и будущему обилію свѣжихъ впечатлѣній, и предстоящимъ наблюденіемъ, и знакомству съ новыми мѣстами. Говорятъ, полковникъ хочетъ или получилъ приказъ итти прямо чрезъ степь, то-то интересно! Надо будетъ коечто записывать. . . . Къ тому же я рѣшилъ воспользоваться походомъ, чтобы ближе присмотрѣться къ солдатскому житью-бытью, изучить его, сжиться съ солдатами, понять ихъ.

Пріѣхалъ въ коляскѣ полковникъ, самъ одинъ. Онъ распорядился, чтобы всѣ офицеры распростились съ женами и семьями еще дома. „Надо выйти молодецки, безъ провожатыхъ“ — писалъ онъ въ утреннемъ „приказѣ.“ . . . Тѣмъ лучше, моя „мать-командирша“, г-жа Ермолаева, не будетъ меня больше видѣть, а то, пожалуй, еще позволила бы себѣ насмѣшку надо мной, и пришлось бы смолчать.

Вскорѣ прибылъ и священникъ, толстенькій и хлопотливый; онъ подалъ руку полковнику и сталъ надѣвать ризу. — Смирно! На молитву! Шапки долой!

Священникъ начинаетъ пѣть гнусавымъ голосомъ и молиться о христолюбивомъ воинствѣ и о благополучномъ окончаніи похода: ему нестройно подтягиваютъ хлопотавшіе прежде солдаты. Мнѣ не до молитвы; солнце немилосердно жжетъ, аммуниція давитъ и жметъ, пыль засыпаетъ глаза. Но обтереться нельзя. Сначала я слѣжу за клубами дыму, расходящимися изъ кадильницы, и пробую даже составить стишокъ о моей зависти къ ихъ свободѣ; затѣмъ, меня начинаетъ безпокоить мысль, встрѣтимъ ли мы на ночевкѣ ушедшій впередъ обозъ, раздобуду ли я свои вещи, смогу ли умыться и перемѣнить бѣлье? Наконецъ, обращаетъ на себя мое вниманіе мелькающій между деревьями солдатъ Зинкинъ. Сколько онъ далъ фельдфебелю зато, что остался? стараюсь я угадать.

Въ пятой ротѣ произошло маленькое смятеніе: одинъ солдатъ, вѣроятно, получилъ солнечный ударъ и упалъ. И какъ странно упалъ: словно одинъ колосъ подрѣзали, а остальные стоятъ попрежнему прямо. Никто изъ солдатъ не рѣшился нагнуться къ упавшему, пока фельдшера не подняли его и унесли.

— Вотъ сволочь, рядъ испортилъ! бормочетъ за моей спиною поручикъ Чернышевъ; я хорошо знаю его и увѣренъ, что его обуреваетъ истинное негодованіе на упавшаго солдата.

Священникъ продолжалъ невозмутимо свое гнусавое пѣніе; но молитвенно-торжественное настроеніе уже было нарушено: солдаты украдкой, а офицеры посмѣлѣе поглядывали назадъ, гдѣ за нашими спинами фельдшера приводили въ чувство упавшаго. Молебенъ, наконецъ, окончился. Вышель впередъ полковникъ, поцѣловалъ крестъ, потянулись за нимъ и офицеры, по старшинству цѣловавшіе крестъ, и становились по своимъ мѣстамъ. Священникъ окропилъ насъ св. водой, пошелъ за наши спины и окро-

пилъ уже сидѣвшаго на землѣ солдата. Почти всѣ оглядывались. — Накройсь!

Эта команда заставила всѣхъ снова стать „смирно“. Священникъ вернулся и сталъ раздѣваться; полковникъ вышелъ на средину.

— Поздравляю васъ, братцы, съ началомъ похода и маневровъ, говоритъ онъ, говоритъ только потому, что считаетъ своимъ долгомъ и страстно любитъ при всякомъ удобномъ случаѣ произнести рѣчь: дай Богъ, чтобы мы всѣ вернулись въ томъ же хорошемъ здоровьи, въ которомъ выступаемъ. Для насъ, солдатъ, готовыхъ жизнь положить за царя и отечество, важнѣе всего хорошее здоровье и крѣпкія силы, которыя дадутъ намъ возможность, вслучаѣ необходимости, одолѣть нашихъ враговъ. Чтобы укрѣпить эти наши силы, чтобы закалить наше здоровье, чтобы подготовиться къ побѣдамъ надъ нашими врагами, мы и выступаемъ сегодня въ походъ. Старые солдаты хорошо знаютъ, а молодые, навѣрно, отъ старыхъ слышали и теперь сами узнаютъ, что въ походѣ быть, это . . . это не то, что съ бабой на печи лежать. Много приходится въ походѣ перенести и преодолѣть, и вы всѣ должны быть готовы на всякія лишенія, а ваши начальники всегда вамъ во всемъ примѣръ покажутъ. Вспомните же, братцы, вспомните теперь, предъ походомъ, что вы присягали, стоя подъ знаменемъ, присягали царю переносить за него голодъ, холодъ и нужды, да не забудьте и другихъ великихъ словъ, что за Богомъ молитва, а за царемъ служба никогда не пропадаютъ! . . . Съ Богомъ! . . .

Оркестръ заигралъ маршъ, и мы стали шагать по направленію къ мосту чрезъ рѣку . . .

Припоминается мнѣ и еще кое-что: первый ночлегъ въ деревушкѣ, различные эпизоды во время нашего шаганія по большимъ дорогамъ, большое батальонное, мнѣ

еще дотолѣ незнакомое ученіе въ день стоянки въ Карнауховкѣ, виды деревень, жанровыя картинки изъ сельской жизни, счастливо окончившееся столкновеніе съ поручикомъ Чернышевымъ . . .

Нить моихъ воспоминаній прерываетъ поровнявшійся со мной Асколенко.

— Что, Василій Александровичъ, призадумались?

— Да такъ, припоминается кое-что.

— Разскажите мнѣ. Скучно, а съ этимъ народомъ о чемъ серьезномъ не разговоришься. А что утромъ, такъ это я такъ, въ сердцахъ . . . оправдывается онъ.

— Я на васъ уже не сержусь. О чемъ бы вамъ разсказать? Хотите слушать про то, какъ я у Шмуля въ корчмѣ ночевалъ?

— Это въ Романковѣ?

— Да. Помните, мы пришли, когда еще совсѣмъ свѣтло было. Я радъ былъ очень, когда знамя уже отнесли и мы по дворамъ разошлись. Умылся я, купилъ у хозяевъ дыни и хлѣба, когда солдаты на ужинъ пошли, и прошусь у хозяевъ въ избѣ ночевать. А они не пустили, даже за деньги. — Боязно, говорятъ, боимся мы москалей. Сколько ихъ на дворъ нагнали, а въ хату никого пускать не будемъ.

— Вѣрно, никого не впустили. Кузьмичевъ просилъ — не хотѣли.

— А мнѣ очень хотѣлось спать гдѣ нибудь въ теплѣ. Иду я къ мужику, у котораго ротному отвели квартиру, и сталъ проситься у старика переночевать. Тотъ и радъ бы пустить, да некуда: въ чистой хатѣ нашъ ротный помѣстился; въ кухнѣ тьма бабъ и ребятишекъ, да и дѣвка, которая, навѣрно, въ городѣ въ кухаркахъ служила, пріѣхала домой рожать . . . Вотъ-вотъ родитъ; съ минуты на минуту ждутъ. Самъ старикъ въ крохотныхъ сѣняхъ спитъ, да тамъ же надо деньщика уложить.

Надоумился старикъ, посылаетъ меня къ Шмулю въ корчму. Прихожу . . . Шмуль старикъ сѣдой и слѣпой на одинъ глазъ. Суетится онъ, бѣгаетъ по грязной лавченкѣ и вмѣстѣ со своей дочкой солдатамъ подаетъ водку и закусокъ. Присѣлъ и я, жду, пока онъ освободится. Вдругъ входитъ нашъ поручикъ Чернышевъ и разгоняетъ солдатъ, чтобы не пьянствовали. Солдаты разошлись, а я отозвалъ Шмуля въ сторону и начинаю съ нимъ торговаться о ночлегѣ. Да не хочетъ онъ, упирается, боится. А Чернышевъ пока усѣлся за столомъ, потребовалъ шкаликъ водки и говоритъ дѣвушкѣ: „садись со мной, жидовочка“. Я со стороны замѣтилъ, что она только плечомъ недовольно повела. А сама некрасивая такая, худенькая и тщедушная. Наконецъ, уломалъ я Шмуля, сторговался я съ нимъ, и онъ уступилъ мнѣ свою комнату, грязную и вонючую. „Честное слово, говоритъ онъ мнѣ, только для панича я это и дѣлаю; самъ на сѣнникъ спать пойду“. Я хотѣлъ, было, не въ этой, а въ другой комнатѣ, что за перегородкой, устроиться, потому что тамъ чище было, да Шмуль говорилъ: нельзя. Тамъ его дочка Эстерка спала. Старикъ ушелъ, а я не рѣшился лечь на его грязныя перины, разостлалъ шинель на полу, покрылъ подушку своей блузой, улегся и собираюсь заснуть. Да не спалось мнѣ какъ-то: душно было, и мухи надоѣдали. А на селѣ все стихло. Слышу я, какъ Шмуль наружную дверь болтами закрѣпилъ, что-ли, дочкѣ что-то по своему строгимъ тономъ сказалъ и ушелъ. А Эстерка стала за перегородкой ходить, постель себѣ, вѣрно, готовила . . . Да вы слушаете, Асколенко?

— Какъ же . . . Очень интересно вы это разсказываете.

— Вдругъ, слышу я, во дворѣ что-то хрустнуло, потомъ дверь задняя скрипнула, а потомъ дочка Шмуля

говоритъ испуганно: „ай! что вамъ надо? Уйдите!“ Мнѣ за перегородку все слышно было. Какой-то мужчина говоритъ ей тихо: молчи, молъ, я къ тебѣ не надолго. А та снова свое: „уйдите, уйдите; я васъ не знаю, зачѣмъ вы пришли“. Ну, онъ снова къ ней ласково: „понимаешь, жидовочка ... Я тебѣ рубль дамъ“. Какъ услышалъ я это, насторожился и даже присѣлъ: показалось мнѣ, что это нашъ Чернышевъ снова къ дѣвушкѣ пристаетъ. Не можетъ быть, думаю. А Эстерка заплакала и говоритъ ему такъ жалостно: „за что вы меня обижаете? вы благородные офицеры, а я бѣдная еврейка“ ...

Я остановился. На лицѣ Асколенко не дрогнулъ ни одинъ мускулъ.

— Ушелъ? спросилъ онъ.

— Нѣтъ ... Сталъ онъ ее увѣрять, что для нея же честь будетъ, и два рубля подарить обѣщался. А она ничего и слышать не хочетъ: „пустите, говоритъ, а то кричать буду, отца разбужу, да тутъ и одинъ солдатъ спитъ“. А Чернышевъ, какъ звѣрь, ей въ отвѣтъ: „отца твоего убью и солдату морду побью“. Тутъ ужъ и я вскочилъ съ полу, сначала рѣшилъ подождать минуту, можетъ быть и уйдетъ онъ съ носомъ, а потомъ рѣшился, да ударилъ два раза кулакомъ въ перегородку. Прислушиваюсь, а ужъ тамъ борьба началась; стулъ упалъ, и Эстерка кричать начала. А онъ ее душитъ, видно, сволочью обзываетъ ... У меня въ головѣ тогда все перепуталось ... Ну, что мнѣ было тогда дѣлать? Будить старика, да гдѣ онъ? Да пока найдешь его ... Кричать? бѣжать ей на помощь? оборонять ее? А если офицеръ прикажетъ уйти? А если я самъ подъ судъ попаду? ... И рѣшилъ я пойти, пойти, чтобы задушить этого мерзавца, если даже онъ офицеръ. Схватилъ я шаровары, надѣлъ ихъ быстро, выбѣжалъ въ сѣни и

толкнулъ ногою дверь, что вела въ комнату къ Эстеркѣ... Сначала ослѣпилъ меня свѣтъ отъ лампочки, а потомъ увидѣлъ я страшную картину: Эстерка на полу лежитъ, словно въ обморокѣ, а на меня съ кулаками идетъ —, знаете, кто? — поручикъ Чернышевъ. Самъ пьяный, и глаза кровью налились . . .

Я пошелъ тѣснѣе рядомъ съ Асколенко и шепнулъ ему тихо все то, о чемъ не рѣшался говорить открыто; онъ слушалъ меня съ большимъ напряженіемъ.

— Только просила отцу и виду не подавать, что тутъ кой-что случилось. А потомъ я спокойно всю ночь проспалъ . . .

Асколенко задумался на минуту и сказалъ:

— Нешто она одна? Сколько наши солдаты за три ночлега дѣвокъ перепортили! Почитай, сто будетъ.

— Я еще не кончилъ. На завтра утромъ встрѣтилъ меня Чернышевъ, сначала „сволочью“ обозвалъ и спрашиваетъ: „подглядывали вчера?“ Я честь отдалъ и молчу; а онъ подозвалъ меня ближе и говоритъ тихонько: „никому ничего не разсказывайте, а то я васъ подъ судъ отдамъ за поднятіе руки на офицера, безъ свидѣтелей“...

3.

— Асколенко! Вольноопредѣляющійся! Подтянитесь, что-ли!

Я осматриваюсь и замѣчаю, что мы съ Асколенко зашли довольно далеко отъ роты, но мнѣ досадно на Кузьмичева, прервавшаго нашъ разговоръ, и я говорю ему со злостью:

— Ужъ мнѣ и ходить въ сторонѣ нельзя?

— По мнѣ ходите, только офицеры сзади идутъ. Теперь мнѣ становится жаль, что я излилъ свою досаду на Кузьмичева, и я стараюсь обратить ее на идущихъ сзади офицеровъ. Какимъ это образомъ они нагоняютъ насъ? Навѣрное, въ лазаретной линейкѣ сидѣли, или же на повозкѣ съ кладью. . . . И я злюсь на нихъ еще больше. . . .

— Какъ вы думаете, Николинъ, говоритъ почти за моей спиной одинъ офицеръ другому, очевидно, прерывая молчаніе: знамя тяжелѣе винтовки?

— Не знаю, я его никогда въ рукахъ не держалъ. Думаю, что тяжелѣе.

— Не помните-ли, знаменщику записывается въ его солдатскую книжку, что онъ во время дѣйствительной службы носилъ батальонное знамя?

— Ну, куда вы хватили! Это же не чинъ: знаменщикъ. . . . Тогда бы и ассистенту пришлось записывать его заслуги, и артельщику. . . .

— Но позвольте, артельщикъ въ ротѣ часто мѣняется, а знаменщикъ постоянный на весь батальонъ, да и честь эта не всѣмъ оказывается.

— А все же не думаю. Вѣдь не четыре года солдатъ состоитъ знаменщикомъ.

Трубчаниновъ и Николинъ, оба молодые подпоручики, товарищи по училищу, но разныхъ выпусковъ, поравнялись съ нами. Первый былъ высокъ и немного сухъ, а второй много ниже и здоровѣе, но съ скернымъ цвѣтомъ лица.

— Ты сколько лѣтъ носишь знамя? обратился Трубчаниновъ къ Асколенкѣ.

— Полтора года, ваше благородіе.

— Вотъ видите; служитъ же онъ, навѣрно, года три, если не всѣ четыре. Онъ даже старшій унтеръ-офицеръ, говоритъ товарищу Николинъ.

— Скажи еще, знамя тяжелѣе винтовки? Снова спрашиваетъ Трубчаниновъ.

— Точно такъ, немного тяжелѣе, ваше благородіе. Затѣмъ подпоручики обращаются ко мнѣ и заботливо справляются, почему это я пошелъ на маневры, въ то время какъ всѣ другіе вольноопредѣляющіеся остались дома? Я теперь золъ и хотѣлъ бы не отвѣтить, но превозмогаю себя и отвѣчаю, что всѣ тѣ должны сдавать теперь экзамены для поступленія въ юнкерское училище, а мнѣ этого дѣлать не приходится.

— Какъ, вы не поступаете въ училище? удивился Трубчаниновъ.

— Нѣтъ, г. поручикъ, отвѣчаю я коротко.

Титулъ „поручика“ очень льститъ Трубчанинову, и онъ меня спрашиваетъ любезно:

— Какъ же вы думаете поступить?

— По окончаніи службы я, вѣроятно, уѣду заграницу — учиться, въ университетъ.

— Заграницу въ университетъ? Что же это за карьера?! — Я не отвѣчалъ.

— Что вы будете изучать? Медицину, право, технику? На все это есть и военныя академіи. . . .

— И зачѣмъ вы въ такомъ случаѣ поступили въ батальонъ? прервалъ товарища Николинъ.

— Чтобы потомъ не пришлось отслужить двухъ лѣтъ простымъ рядовымъ.

— А я полагалъ всегда, что вы пойдете въ училище, говоритъ Трубчаниновъ.

— Теперь, впрочемъ, многіе такъ поступаютъ, какъ онъ, небрежно бросаетъ ему замѣчаніе Николинъ.

— Мнѣ кажется, говоритъ снова первый подпоручикъ: такимъ образомъ обходятъ законъ. Я понимаю службу вольноопредѣляющагося, какъ подготовку къ юнкерству. . . .

И подпоручики поспѣшили впередъ. . . .

Вотъ уже, судя по солнцу, перевалило и за полдень. Всѣ мы, покрытые слоемъ пыли, превратившейся, благодаря обильному поту на нашихъ лицахъ, въ грязь, сильно утомились. Бывшая получасовая остановка мало удовлетворила насъ. Къ счастью, конюхи, съѣздившіе за это время куда-то въ сторону, привезли двѣ полныя бочки воды. Солдаты положительно расхватали ее. Кто сколько воды досталъ, выпивалъ все сейчасъ. Я также напился досыта и даже освѣжилъ остаткомъ воды свое лицо, но позже не въ чемъ было даже сухарей помочить. Теперь снова кое-кто заявляетъ вслухъ о своей нестерпимой жаждѣ. Я вижу, какъ Ермиловъ, чуть ли не въ десятый разъ тщетно ищетъ въ пустомъ баклажкѣ хоть капли воды, и припоминаю почему-то изъ прочитанныхъ въ дѣтствѣ „романовъ съ приключеніями“, что герои ихъ въ подобныхъ случаяхъ глядѣли, обыкновенно, на небо, не покажется-ли спасительная тучка. . . . Вотъ именно: спасительная тучка . . . Совершенно машинально гляжу я на небо: оно чистое, чистое, только дальше къ востоку облака плывутъ. Солнце глаза слѣпитъ . . . Кажется, вчера не было такъ жарко, какъ сегодня. Впрочемъ, вчера и воды у насъ гораздо больше было . . .

Солдаты ходятъ разрозненные, какъ попало, не въ ногу, съ свѣшенными штыками, на что Кузьмичевъ, прежде все подтягивавшій и прикрикивавшій на насъ, уже не обращаетъ теперь рѣшительно никакого вниманія. Даже и онъ сталъ какъ-то не веселъ, а Асколенко весь согнулся подъ тяжестью знамени, и крупными, грязными каплями скатывается по его лбу и щекамъ потъ. Время отъ времени я перебрасываюсь съ нимъ и Кузьмичевымъ парой-другой словъ.

— Чортъ побери, вотъ сапоги натерли, жалуюсь я имъ: скоро, кажется, я и ходить не смогу. . . .

Оба они молчатъ, и меня охватываетъ какое-то чувство тоски и уныніи. Тупо смотрю я въ землю и машинально шагаю по высохшей, жалкой травѣ, понемногу забирая вправо. Снова рой неотвязныхъ, унылыхъ думъ, и постепенно я уношусь мысями, какъ это со мной не разъ въ походѣ бывало, далеко-далеко, на свою родину, на пышный югъ, съ его синѣющими вдали горами и вѣчно рокочущимъ моремъ. Жарко ли сегодня и тамъ? Да нѣтъ, въ тѣни величественныхъ кипарисовъ, въ той густо обвитой плющемъ бесѣдкѣ, которую я такъ хорошо знаю, тамъ не можетъ быть жарко. Тамъ дѣточка Настя въ качалкѣ сидитъ и „умную“ книжку читаетъ или къ прибою волнъ прислушивается. А бабушка опустила всюду шторы, кой гдѣ уже ставни закрыла и сидитъ теперь въ гостиной на диванѣ, сидитъ и свой чулокъ вяжетъ или внучка вспоминаетъ: гдѣ-то онъ теперь, да что съ нимъ? . . .

Въ это время наша рота стала огибать курганъ, и солдаты завидѣли издали маленькій бѣленькій домикъ, стоявшій, очевидно, на перекресткѣ двухъ проселочныхъ дорогъ. Это была, безъ сомнѣнія, одна изъ почтовыхъ станцій, какія уже не разъ попадались намъ на пути, съ обычной желѣзной, блестѣвшей на солнцѣ, крышей.

Я тотчасъ разглядѣлъ стоявшую у воротъ почтовой станціи телѣгу, но Петріенко первый заявилъ, что на телѣгѣ лежитъ бочка и, можетъ быть, съ водой. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ, когда мы могли уже лучше разсмотрѣть домикъ и даже замѣтили, что ворота его совсѣмъ покосились, мы не сомнѣвались, что на телѣгѣ бочка.

— Ой, братцы, никакъ воды испросимъ, сказалъ торжествующій Петріенко.

— Такъ тебѣ и дадутъ, выразилъ свое сомнѣніе Плехинъ: не видишь, начальство подъѣзжаетъ.

Дѣйствительно, когда батальонъ сталъ подходить ближе къ станціи, командиры первыхъ двухъ ротъ, капитаны Акелинъ и Румшевичъ, отстали отъ группы офицеровъ, ѣхавшихъ впереди, и продолжали путь рядомъ со своими ротами. Никто изъ солдатъ, конечно, не рѣшился выскользнуть изъ рядовъ, чтобы сбѣгать за водой. Самовольно сдѣлать это никто и въ нашей ротѣ не рѣшился, но когда отъ нашего праваго фланга до станціи было лишь шаговъ двадцать, и я даже ясно различалъ лица станціонныхъ жителей у двухъ раскрытыхъ оконъ, смѣльчакъ Петріенко обратился къ Кузьмичеву съ просьбой:

— Господинъ фельдфебель, дозвольте сбѣгать.

— Иди, только тихонечко, чтобы начальству не слыхать было. Да сюда, слышь, принеси, разрѣшилъ Кузьмичевъ и, снявъ съ себя быстро баклажокъ, передалъ его Петріенко. Тотъ побѣжалъ въ сторону, къ бочкѣ; за нимъ ринулась Андреевъ, Плехинъ, Ермиловъ, еще двое и я. Кузьмичевъ схватилъ Ермилова за мундиръ и велѣлъ ему остаться. Остальные побѣжали, но прежде чѣмъ мы добѣжали къ бочкѣ, лежавшей на приспособленной для возки воды телѣжкѣ, за ворота вышелъ ямщикъ, совсѣмъ молодой еще и низкорослый парень.

— Дай, братецъ, воды, сказалъ ему, протягивая два баклажка, Петріенко.

— Тебѣ одному давать или всѣмъ?

— И намъ давай! проситъ за всѣхъ Плехинъ.

— Больно много будетъ! Вода для почты. . . .

— Ну, дай. . . . Видишь, пить хотимъ . . . Не пожалѣй это для служивыхъ . . . Съ утра во рту росинки не имѣли... просили солдаты, окружившіе бочку и почтаря.

— Больно много, ухмыльнулся тотъ. — Наши мѣста безводныя.

Кучка солдатъ на мгновеніе словно замерла. Плехинъ жалостно глядѣлъ на ямщика, другіе протягивали ему чуть-чуть не въ лицо баклажки.

Я стоялъ нѣсколько въ сторонѣ и съ любопытствомъ разсматривалъ лица въ окнахъ.

— Такъ будь человѣкомъ, возобновилъ свои просьбы Плехинъ.

Ямщикъ только руками развелъ.

— Не могу проходящимъ воду раздавать.

Снова на секунду молчаніе и нѣмая сцена.

— Братцы, бери! гаркнулъ Петріенко.

Моментально солдаты оттолкнули ямщика и облѣпили бочку. Ямщикъ сталъ кричать. Въ окнѣ взвизгнула женщина и кто-то закричалъ: „не давай!“ Петріенко тѣмъ временемъ выдернулъ пробку, и вода полилась на землю. Солдаты, толкаясь и шумя, подставляли подъ струю свои баклажки. Ямщикъ старался растолкать ихъ, а въ окнѣ все кричали: „не пускай, Никита, не давай!“ Въ суматохѣ одинъ солдатъ жадно пилъ нѣсколько капель, попавшихъ въ его баклажокъ. Плехинъ догадался подставить фуражку, Андреевъ хотѣлъ припасть губами къ отверстію. Ямщикъ суетился, кричалъ и старался задержать струю воды рукою. Прибѣжалъ на шумъ Кузьмичевъ и сталъ расталкивать солдатъ.

— Разойдись отъ бочки! кричалъ онъ: никто не смѣй больше! Ступай въ ряды! Кто тебѣ велѣлъ къ бочкѣ бѣгать?

Солдаты разсыпались. Двумъ изъ нихъ перерѣзалъ путь капитанъ Авелинъ, услышавшій, вѣроятно, издали крики и быстро прискакавшій къ станціи.

— Мерзавцы! Кто вамъ позволилъ выходить изъ рядовъ? Въ воздухѣ засвистала нагайка и оставила багровый слѣдъ на лицѣ Плехина. Тотъ, вскрикнувъ

нечеловѣческимъ голосомъ и, схватившись рукой за щеку, продолжалъ бѣжать, догоняя вмѣстѣ съ другими ушедшую впередъ роту. Второй ударъ пришелся по спинѣ бѣгущаго солдата, лица котораго я не могъ разглядѣть. Но я видѣлъ, какъ тотъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ и штыкомъ ружья зацѣпилъ кожу лошади капитана. Я не побѣжалъ съ солдатами, но остался на мѣстѣ. Что со мной происходило въ эту минуту, я и самъ хорошо не сознавалъ и теперь еще не могу себѣ дать въ томъ отчета. Я забылъ и капитана съ его нагайкой, и отвѣтственность, и опасеніе быть избитымъ. Я помнилъ лишь о своей жаждѣ, которая именно въ этотъ моментъ стала нестерпимой. Дрожащей рукой протянулъ я баклажокъ ямщику, удивленно смотрѣвшему на дикую расправу капитана, и сказалъ ему твердо и громко:

— Дайте мнѣ воды.

Капитанъ круто повернулъ лошадь, метнулъ на меня взглядъ, котораго я никакъ забыть не могу, положительно взревѣлъ отъ бѣшенства и размахнулся нагайкой. . . . Но онъ меня не ударилъ: рука его словно на мгновеніе застыла въ воздухѣ и опустилась, какъ плеть. Овладѣлъ-ли онъ собой, или не рѣшился ударить меня, или замѣтилъ, что на него глядятъ изъ оконъ станціи, я не знаю.

— Дайте воды, повторилъ я.

— Нельзя . . . много и такъ пролили.

— Хоть немного.

— Мѣста у насъ безводныя. А тутъ давай всякимъ.

— Дашь ли ты ему, наконецъ, мерзавецъ! вскричалъ Акелинъ и выругался площадною бранью.

А я успѣлъ вынуть изъ кармана серебряную монету и сую ее ямщику. Тотъ быстро выдернулъ пробку изъ бочки; я наполнилъ свой баклажокъ и бѣгу догонять солдатъ.

Акелинъ подогналъ лошадь и поскакалъ впередъ.

— Дворянчикъ! кричалъ онъ, оборачиваясь ко мнѣ и такъ громко, чтобы проходящая уже мимо пятая рота могла все слышать: маменькинъ сынокъ! Водички испить захотѣлось! Деньги суетъ! Солдаты отъ жажды помираютъ, а онъ папенькины капиталы въ ходъ пускаетъ! Барствуете?! У меня бы въ карцерѣ дивно сгнили! Попробуй кто нибудь изъ рядовъ выйти, обратился онъ къ солдатамъ: пойдетъ вмѣстѣ съ барченкомъ подъ судъ!...

Я запыхался, остановился и выпилъ разомъ почти всю воду. Это меня нѣсколько оживило, и я пошелъ бодрѣе, скоро догналъ свою роту и вошелъ въ ряды, которые Кузьмичевъ подтянулъ въ ожиданіи строгаго начальства. Дѣйствительно, издали спѣшилъ на лошади нашъ ротный командиръ. Когда Акелинъ еще разъ обернулся и погрозилъ, очевидно мнѣ, нагайкой, капитанъ Ермолаевъ сталъ ему что-то говорить и опустилъ даже его поднятую руку.

— Нагоритъ вамъ теперь, говоритъ фельдфебель: нарвется на васъ начальство.

— Думаю, что и на васъ тоже, отшучиваюсь я.

— На міру и смерть красна, утѣшаетъ Андреевъ.

— На меня! говоритъ злой Кузьмичевъ: потому что я за васъ отвѣчаю. Напакостятъ, напакостятъ, а фельдфебель за всѣхъ отвѣчай.

— Не безпокойтесь, я самъ за себя отвѣчать буду.

Подъѣхалъ на своей кобылѣ ротный, очевидно, не въ духѣ.

— Кузьмичевъ! кричитъ онъ.

— Ваше высокоблагородіе!

— Что это у тебя тутъ дѣлается?

— Они, ваше высокоблагородіе, безъ спросу!

— Перепиши всѣхъ побѣжавшихъ и мнѣ представь на стоянкѣ списокъ.

— Слушаю-съ, ваше высокоблагородіе.

Ротный затрусилъ на своей кобылкѣ обратно, и мнѣ невольно вспомнилась жалкая фигура Ламанчскаго рыцаря на Россинантѣ.

— Я такъ думаю, что ротный не нарвется, заявляетъ Петріенко.

— На тебя, на дурака, не нарвется, срываетъ на немъ свой гнѣвъ Кузьмичевъ: а мнѣ урокъ будетъ. Не стану тебя въ другой разъ никуда пускать. Нешто не могъ ты безъ шуму?

— Для васъ старался, г. фельдфебель.

— Ямщикъ тоже злющій, воды дать не хотѣлъ, говоритъ Андреевъ.

— А ты имѣешь разрѣшеніе отлучаться отъ знамени? спрашиваетъ Кузьмичевъ.

Андреевъ молчитъ.

— Коли намъ пить больно захотѣлось, маленько и подшумѣли, замѣчаетъ кто-то сзади.

— И будешь теперь за это подъ ружьемъ стоять, обрываетъ того все еще сердитый Кузьмичевъ.

— Что-жъ, постоимъ, г. фельдфебель. Провинились, такъ постоимъ, коли начальство прикажетъ.

— Я такъ думаю, что не накажутъ. Нашъ ротный жалостный.

— Это точно, поддерживаетъ Плехинъ: онъ сердешный человѣкъ. Не то, что эта акула. Какъ вдаритъ!

— Разъ! смѣется Петріенко.

— Какъ по командѣ.

— Теперича, что твоя Манька скажетъ?

— Красавецъ, ходь патретъ малюй, острить Андреевъ.

— Только ёнъ драться правовъ не имѣетъ, продолжаетъ невозмутимо Плехинъ и снова срываетъ свой гнѣвъ восклицаніемъ:

— Акула!

Асколенко только сурово взглянулъ на Плехина, но на этотъ разъ не оборвалъ его.

— Почему ты думаешь, что онъ не имѣетъ права тебя бить, спросилъ я Плехина.

— Потому что я не изъ его роты и подчиненъ только своимъ прямымъ начальникамъ, капитану Ермолаеву и штабсъ-капитану . . .

— А они имѣютъ право тебя бить?

— Что за разговоры пошли о начальникахъ? считаетъ нужнымъ заявить о своемъ присутствіи Кузьмичевъ.

— А они, капитанъ Ермолаевъ и нашъ штабсъ-капитанъ Гречухинъ, имѣютъ право тебя бить? повторяю я настойчиво свой вопросъ.

— По уставчику, точно, не имѣютъ, но какъ они мои прямые начальники, то меня, солдата, значитъ, учатъ, на путь вразумляютъ, отвѣтилъ мнѣ нескладно, послѣ нѣкотораго раздумья Плехинъ и обратился къ солдатамъ съ жалобой:

— Ну, и зудитъ щека здорово!

— А ты аглицкимъ пфластыремъ, посовѣтовалъ Андреевъ: зуди ее, стерву, назадъ!

Мнѣ надоѣли его остроты, и я рѣшаю потолкаться среди другихъ солдатъ, чтобы услышать ихъ отзывы о нашемъ ротномъ командирѣ и о нападеніи на бочку. Воспользовавшись удобнымъ моментомъ, я присоединился къ группѣ солдатъ изъ второго взвода.

— Говоришь-ты, не крадь, доказываетъ что-то знакомый мнѣ лишь по фамиліи солдатъ Пиличенко другому: ни-ни, даже воды у почтаря не крадь. А ежели я пить хочу, да отъ этого чуть не сдыхаю?

— И сдыхай, говоритъ рѣзко, махнувъ рукою, второй солдатъ: а все не крадь. Такъ Господь Богъ въ своихъ заповѣдяхъ сказалъ. Нешто ты не училъ ее, заповѣдь эту?

— Отъ батюшки слыхалъ, только оно непонятно все . . .

Пиличенко задумался. У меня явилось желаніе помочь ему разобраться въ трудномъ для него вопросѣ, и я вмѣшиваюсь въ разговоръ.

— Ты, Пиличенко, въ Іисуса Христа вѣришь?

— Точно такъ, баринъ.

— Не называй меня бариномъ. Такъ вотъ Іисусъ Христосъ, сынъ Божій, сказалъ людямъ: не крадь. Это значитъ, чтобы люди никогда ничего у своего ближняго, у другихъ людей, не крали. Понялъ?

— Точно такъ, сказалъ третій солдатъ изъ обступившей меня кучки.

— Точно такъ, понялъ, сказалъ и Пиличенко.

— Ну, а почтарь твой ближній?

Пиличенко махнулъ головой.

— Вода принадлежитъ ему?

— Никакъ нѣтъ, почтѣ, замѣчаетъ мнѣ третій солдатъ.

— Да все равно, обращаюсь я все-же къ Пиличенко: вода не твоя, а чужая. А Христосъ сказалъ людямъ, и тебя учили заповѣди: не крадь! Имѣешь ты право воды силой себѣ взять?

— А коли я сдыхаю, паничъ? повторяетъ свой вопросъ Пиличенко.

— Сдыхай! лаконически отрѣзаетъ второй солдатъ.

— Какъ ты думаешь, объясняю я Пиличенкѣ: когда Христосъ говорилъ намъ, людямъ, чтобы мы никогда не крали, понималъ онъ, что, можетъ быть, придетъ такое время, когда одинъ человѣкъ умираетъ отъ жажды, а около него есть вода, но чужая? Сказалъ-бы Іисусъ и этому человѣку: не крадь!

— Никакъ нѣтъ, дозволилъ-бы, отвѣчаетъ снова третій.

— Но почему-же? Онъ сказалъ разъ навсегда для всѣхъ людей: не крадь! Ни воды, ни денегъ, ни хлѣба, ничего!

Солдаты молчатъ. Пиличенко подумалъ и отвѣтилъ:

— Іисусъ, вѣрно, воды вволюшку имѣлъ и въ походы тоже не ходилъ.

— И деньгу шибко зашибалъ, поддерживаетъ четвертый солдатъ.

Я обращаюсь тогда уже ко второму изъ спорившихъ солдатъ.

— Ты, вотъ, говоришь все „не крадь“ да „не крадь“, потому что такъ въ заповѣдяхъ сказано. Но, вѣдь, тамъ же въ заповѣдяхъ сказано еще и „не убій“ . . . А когда ты на войну пойдешь, станешь ты врага убивать, турка тамъ, или нѣмца, или не будешь?

— Я солдатъ, я должонъ за Царя и отечество . . .

— Хотя въ заповѣди и сказано?

— Должóнъ, потому что не я за грѣхъ передъ Господомъ — Богомъ отвѣчаю, а начальство.

Этотъ аргументъ, всецѣло выхваченный изъ устъ дядьки — унтеръ-офицера, обучавшаго „словесности“, былъ уже мнѣ хорошо знакомъ.

— Начальство развѣ можетъ тебѣ приказать, чтобы ты убивалъ? Офицеры всѣ люди грамотные, заповѣди учили и въ Христа вѣрятъ.

— Начальству царь приказываетъ.

— Значитъ, ты на войнѣ побьешь десять турковъ или нѣмцевъ, а царь за твои грѣхи передъ Богомъ отвѣчаетъ? А онъ, что-же, не человѣкъ?

— Царь передъ Господомъ — Богомъ не отвѣчаетъ: царь святой, съ увѣренностью сталъ говорить мой собесѣдникъ. — За царя и отечество можно убивать, и даже самъ Богъ велѣлъ.

— Ты это отъ кого слышалъ?

— Въ уставѣ сказано.

Въ эту минуту отъ другой группы солдатъ отдѣлился унтеръ-офицеръ Пирченко, считавшій, очевидно, нужнымъ проконтролировать мою бесѣду съ подчиненными ему солдатами, и направился къ намъ. Солдаты, окружавшіе меня, какъ-то боязливо шарахнулись въ сторону и продолжали шагать всѣ молча. Я же сталъ нарочно нѣсколько отставать, чтобы поравняться съ Пирченко и поговорить съ нимъ, но замѣтилъ его брошенный на меня суровый взглядъ и перемѣнилъ свое рѣшеніе. Въ этотъ моментъ со мной поравнялся одинъ изъ прислушивавшихся раньше къ моему спору съ Пиличенко и другими солдатъ.

— Что я у васъ хотѣлъ спросить, паничъ, началъ онъ заискивающимъ тономъ: вотъ все говорятъ про нашего врага: Турцыя, Францыя... Ну, а тамъ-же какъ? Тоже солдатъ свою порцыю получаетъ и, не спросясь у отдѣленнаго, никуды?

Я постарался, насколько могъ, удовлетворить любознательности солдата, но не завелъ съ нимъ длиннаго разговора, такъ какъ за моей спиной начались среди солдатъ той группы, отъ которой минутъ пять назадъ отошелъ Пирченко, дебаты о нападеніи солдатъ на бочку съ водой.

— Изъ жалости должбнъ воды дать, по человѣчеству, потому что всѣ мы равноправные хрестьяне, говорилъ кто-то баскомъ. Я оглянулся. Среди группы въ шестьвосемъ человѣкъ ораторствовалъ, жестикулируя правой рукой, знакомый мнѣ ефрейторъ Ерёмуховъ. Около года назадъ, въ первые дни по моемъ поступленіи въ батальонъ, Ерёмуховъ былъ назначенъ моимъ дядькой, но вскорѣ смѣщенъ съ этого почетнаго поста, такъ какъ оказался слишкомъ слабохарактернымъ по отношенію ко

мнѣ. Ораторствовать онъ любилъ, хотя доводы его разбиваемы были почти всегда болѣе практическими, нежели онъ, и болѣе хитрыми солдатами. Послѣднія его слова вызвали одобренія со стороны слушателей.

— Это точно ... Это ты вѣрно сказалъ ... На деревняхъ бабы булокъ или дыни даютъ, тоже изъ жалости ... Офицеръ до благороднаго, солдатъ до мужика ...

Только одинъ солдатъ, ражая фигура котораго мнѣ уже давно бросалась въ глаза, но фамиліи котораго я до сихъ поръ не зналъ, началъ громко протестовать:

— И не долженъ вовсе, и не можетъ онъ.

— А почему не можетъ? спросилъ его Ерёмуховъ: коли хочетъ, то и можетъ.

— Да нѣтъ! Онъ можетъ быть и хочетъ воды тебѣ дать, да не можетъ. Тоже, вѣдь, и у него свое начальство есть. Ямщикъ все равно, какъ солдатъ. Поставилъ тебя разводящій часовымъ, такъ ты стой и никого до знамени или до двуколки не подпущай. Такъ?

— То солдатъ, а то ямщикъ, не соглашается Ерёмуховъ.

— Все едино. Ты у денежнаго ящика, а онъ у бочки. Ты до него: „дай воды, потому цѣлый день не пимши!“ А онъ — до тебя: „дай денегъ, потому три дня не ѣмши!“ Ты ему дашь?

Ерёмуховъ и другіе солдаты, подавленные послѣдней параллелью, молчатъ. Рослый дѣтина поднялъ горделиво голову, сплюнулъ и проговорилъ торжествующе: — „То-то, каша!“ Я не хотѣлъ дразнить слѣдившаго за мною Пирченко и не только не вмѣшался въ этотъ разговоръ, но и направился къ солдатамъ своего взвода. По дорогѣ я столкнулся съ Пухлеромъ, который сталъ горько жаловаться мнѣ на то, что онъ совсѣмъ ослабѣлъ.

А какъ вы думаете, Пухлеръ, нашъ „рейзъ“*) хорошій человѣкъ? спросилъ я его.

— Нашъ „рейзъ“ всѣмъ офицерамъ человѣкъ въ примѣръ, говоритъ мнѣ теперь нескладно, какъ и всегда, Пухлеръ, и я съ нимъ соглашаюсь: нашъ старенькій капитанъ Ермолаевъ, дѣйствительно, самый добрый и сердечный человѣкъ среди всѣхъ офицеровъ нашего батальона . . .

4.

— Батальонъ, стой!

Мы всѣ, совершенно не ожидавшіе этой команды, прошли по инерціи еще нѣсколько шаговъ впередъ и остановились, наступая тамъ и сямъ другъ на друга, большой, нестройной толпой. Сотни истомленныхъ грудей перевели, какъ мнѣ казалось, облегченный вздохъ.

— Ишь, пекло! вырвалось восклицаніе у Асколенки, и мнѣ казалось, что въ тотъ моментъ, когда онъ опускалъ съ плеча древко знамени, я прочиталъ въ его глазахъ затаенную злобу. Впрочемъ, я самъ былъ настолько разбитъ физически и утомленъ, что не могъ бы поручиться за свою наблюдательность.

— О, Господи! слышалось со всѣхъ сторонъ: Вотъ такъ жаритъ! . . . И когда ему конецъ будетъ? Ну, и жарище, ребята. . . .

— Подходи ближе! Подравняйсь! Подравняйсь!

---

*) Такъ называли, какъ мнѣ сообщилъ тотъ-же Пухлеръ, въ разговорѣ другъ съ другомъ, евреи нашего батальона своихъ ротныхъ командировъ. Слово „рейзъ“ соотвѣтствуетъ названію русской буквы „эръ“.

Стать всѣ смирно!“ — кричали и суетились, выравнивая ряды, Кузьмичевъ и другіе фельдфебели. И въ ту минуту, когда я ожидалъ, что вся это измученная и утомленная толпа поспѣшитъ возможно скорѣе растянуться на раскаленной землѣ, наши роты не только подходили одна вплоть къ другой, но, повинуясь приказанію, даже смирно стали, чтобы выравнять ряды.

— Первая шеренга, кру-гомъ! Со-ставь!

Послышался знакомый, раздражающій лязгъ штыковъ. Но у меня не хватило терпѣнія ждать, пока ружья будутъ составлены по всѣмъ правиламъ, которыхъ я до сихъ поры не зналъ. Я бросилъ свою винтовку на руки Плехину и, не ожидая соотвѣтствующей команды, усѣлся на землѣ, вытянулъ съ наслажденіемъ свои наболѣвшія ноги и началъ медленно снимать съ себя аммуницію. Черезъ минуту почти всѣ солдаты вокругъ меня уже сдѣлали тоже самое. Нѣкоторые, подложивъ сумки или скатанныя шинели подъ голову, тотчасъ стали укладываться, чтобы вздремнуть „на короткую ногу и скорую руку“, какъ выражался Андреевъ. Самъ онъ и еще нѣсколько солдатъ, всѣ теперь молчаливые и угрюмые, усѣлись группой неподалеку отъ меня; изъ нихъ только одинъ Ермиловъ жевалъ кусокъ сухого, чернаго хлѣба. А нѣсколько въ сторонѣ выросла, словно изъ подъ земли, фигура незнакомаго намъ солдата въ полной аммуниціи: опершись на винтовку и тупо глядя въ землю, стоялъ онъ часовымъ у положеннаго на барабанъ знамени. . . .

— А я и не лягу, сказалъ громко Плехинъ: гляди, сейчасъ насъ всѣхъ подъ ружье поставятъ. . . .

Я тоже не укладывался, но по другой причинѣ. Я зналъ, что уже, навѣрно, открытъ офицерскій фургонъ-буфетъ, изъ запасовъ котораго мнѣ, по распоряженію ротнаго командира, и съ разрѣшенія казначея, выдава-

лись кое-какіе съѣстные припасы и сельтерская вода. Но я теперь колебался: пойти взять и на этотъ разъ что либо или не ходить? Капитанъ Акелинъ, навѣрно, устроитъ мнѣ новый скандалъ передъ лицомъ всѣхъ офицеровъ, да и мнѣ самому было отчасти стыдно за свой поступокъ Навѣрно, достанется на орѣхи! . . . А вѣдь сколько разъ я твердилъ себѣ, что теперь, въ виду скораго окончанія срока службы, я долженъ быть особенно осторожнымъ. . . . Такъ нѣтъ-же, нарвался на скандалъ. . . . Ну, какъ при такихъ условіяхъ пойти къ буфету? . . .

Минуты черезъ три я набрался рѣшимости, поднялся съ земли и оглянулся кругомъ. Фургонъ, вижу издали, открытъ, и вокругъ него столпились почти всѣ офицеры. Полковникъ стоитъ нѣсколько въ сторонѣ, жуетъ буттербродъ и что-то говоритъ окружившимъ его ротнымъ командирамъ. Пойти къ буфету? А если Акелинъ увидитъ и нарвется? Можетъ быть, Акелинъ разсказалъ уже все полковнику? . . . Нѣтъ, лучше не ходить. Поѣмъ хлѣба. . . . Я обернулся въ другую сторону и увидѣлъ за ротами нашего казначея съ его характерной фигурой и большой черной бородой. Онъ сидѣлъ на барабанѣ, опершись на колесо повозки, разговаривалъ съ нашимъ толстымъ кашеваромъ и записывалъ что-то въ книгу. У меня быстро мелькнула мысль воспользоваться тѣмъ, что нашъ казначей теперь не среди офицеровъ, и я поплелся медленно къ повозкѣ. Когда кашеваръ отошелъ отъ нея, а казначей поднялся съ барабана и сталъ расправлять свои члены, я нерѣшительно подошелъ ближе и приложилъ руку къ фуражкѣ.

— Вы ко мнѣ?

— Да, Авксентій Семеновичъ.

— Говорите, готовъ васъ слушать.

— Авксентій Семеновичъ, будьте такъ любезны,

пошлите солдата взять что-либо въ буфетѣ якобы для васъ.

— А вы-то сами?

— Я не могу пойти къ буфету . . . по нѣкоторымъ причиномъ.

Казначей пытливо взглянулъ на меня.

— Въ сущности, нашъ буфетъ не предназначенъ для нижнихъ чиновъ, началъ онъ сухо, стараясь не глядѣть на меня: и я не имѣлъ права разрѣшить выдачу вамъ чего бы то ни было изъ буфета. Я сдѣлалъ это лишь ради вашего ротнаго командира, который поручился за васъ и позволилъ записывать все взятое вами на его счетъ. Теперь вы мнѣ говорите, что по нѣкоторымъ причинамъ вы не можете пойти къ буфету и взять для себя чего либо, а изъ этого я заключаю, что вы провинились. И я не могу исполнить вашей просьбы, пока не переговорю съ вашимъ ротнымъ командиромъ. Простите, но долгъ выше всего.

Я молча отдалъ казначею честь, круто повернулся и медленно направился мимо всѣхъ повозокъ и бочекъ къ ротамъ.

— Пусто, Смирновъ? спросилъ я по дорогѣ знакомаго мнѣ конюха, который дремалъ, сидя на землѣ и упершись удобно спиной о колесо.

— Пусто, господинъ вольноопредѣляющійся. Лошади отъ когда непоены.

Я бросилъ снова взглядъ въ сторону фургона: ротные командиры все еще бесѣдовали съ полковникомъ. „Да, думалъ я, подходя къ солдатамъ своей роты: великое значеніе имѣетъ въ нашей жизни офицерскій ярлычекъ. Человѣкъ, обладающій таковымъ, можетъ быть увѣренъ, что не умретъ ни съ голоду, ни отъ жажды. А вотъ другой человѣкъ, носящій на плечахъ лишь суконные

погоны, безо всякихъ подкладокъ и звѣздочекъ, хотя бы и съ разноцвѣтнымъ шнуркомъ, уже совсѣмъ не то. . . .“

Я улегся на землѣ среди солдатъ своего взвода, рядомъ съ Асколенко, который спалъ, свернувшись калачикомъ и тяжело дыша. За нимъ растянулись рядомъ Пухлеръ и Дрекслеръ. „Распластались, какъ моржи“, невольно вспомнилось мнѣ книжное выраженіе и если-бы не лѣнь и не усталость, я сообщилъ бы его Андрееву, который теперь молча сидѣлъ недалеко отъ меня и перекладывалъ въ сумкѣ свои вещи. Плехинъ, полулежа рядомъ съ нимъ, перебиралъ патроны.

— Стащи мнѣ, пожалуйста, сапоги, обратился я къ Ермилову, прислуживавмему мнѣ во время похода, за что я обѣщалъ дать ему рубля два. Тотъ быстро придвинулся со стороны и стянулъ съ моихъ ногъ большіе, тяжелые сапоги, а затѣмъ, насколько могъ, нѣжно сталъ разворачивать портянки, которыми я обернулъ поверхъ чулокъ ноги.

— Что, Ермиловъ, дѣло дрянь? спросилъ я его, не подымая съ земли головы: много нарывовъ, да?

— Нарывы, паничъ, то ничего, а вотъ опухъ — это не хорошо.

— Ой, не хорошо! поддержалъ его Плехинъ: запрошлый годъ были мы на маневрахъ, такъ мнѣ съ непрывички такъ понатерло, что фершалъ сапоги разрѣзалъ.

Я немного приподнялъ голову, взглянулъ на свои, слега опухшія, ноги и махнулъ рукой.

— Вы бы въ лазаретную линейку просились, сказалъ Андреевъ.

— Не возьмутъ, отвѣтилъ за меня Плехинъ: тамъ докторъ сидитъ, съ казначеемъ въ карты играетъ.

— А ты, болванъ, самъ видалъ? прикрикнулъ на Плехина налетѣвшій откуда-то Кузьмичевъ, бывшій се-

годня дежурнымъ по батальону и изъ-за этого не могъ ни раздѣться, ни прилечь: ты, видно, забылъ, что нынче еще подъ ружьемъ стоять будешь? . . . А вамъ тоже нечего разлеживаться, обратился онъ ко мнѣ: скоро команда „встать“ будетъ. Что-жъ, тогда сапоги натягивать начнете?

— Не безпокойтесь, успѣю, зло отвѣтилъ я.

— Натянуть, что-ли? спрашиваетъ Ермиловъ.

— Оставь такъ.

Кузьмичевъ пожалъ плечами и отошелъ.

— Не трожь его, обратился Ермиловъ къ неспавшимъ солдатамъ: пусть онъ отдохнетъ. И нашему брату тяжело, а паничамъ и того больше.

Меня стала охватывать дремота. Я нѣсколько приподнялся, положилъ подъ голову сумку, надвинулъ фуражку на глаза, накрылъ свои ноги портянками, разстегнулъ воротъ своей грязной рубахи и снова улегся. Мнѣ было пріятно такъ лежать, безъ тяжелой аммуниціи на тѣлѣ, спокойно, не шевелясь. Только вотъ солнце немного припекаетъ грудь, ноги и лицо. . . . Двинулъ слегка ногою, — и тряпка съ нея спала; положить снова на ногу — лѣнь подняться. Слышу, Андреевъ у моихъ ногъ укладывается, и подъ нимъ слегка шуршитъ высохшая трава. Тихо хругомъ, только издали говоръ доносится. Какъ Асколенко храпитъ! . . . Неудобно лежать, а повернуться на бокъ — лѣнь, словно силъ нѣтъ. . . . Кто-то вдали закричалъ: „Пошли фельдфебеля!“ . . . Чрезъ минуту слышу я, какъ дежурный офицеръ кричитъ на Кузьмичева: „Я же тебѣ приказывалъ, чтобы часовыхъ у знамени смѣняли каждые четверть часа!“ И хочется мнѣ взглянуть на вытянутую фигуру Кузьмичева, и лѣнь даже глаза открыть. Ну, будетъ Кузьмичевъ злющій, думаю я и засыпаю. Разбудилъ меня Плехинъ толчкомъ въ плечо.

— Фельдфебель велѣлъ. Фургонъ тоже складываютъ. Скоро, должно быть, пойдемъ, говоритъ онъ мнѣ, словно въ оправданіе, и начинаетъ будить Дрекслера, который забормоталъ что-то со сна на жаргонѣ.

Я разлѣнился. Сонъ былъ такъ сладокъ, и я такъ охотно проспалъ бы еще часа 2—3. Но надо одѣваться. Я обернулъ ноги тряпками и всунулъ ихъ въ сапоги, словно по гирѣ на каждую ногу повѣсилъ. Солдаты вокругъ меня уже всѣ молча собираютъ свои вещи. Асколенко самъ потягивается и зѣваетъ, но все же подгоняетъ солдатъ, чтобы скорѣе всѣ готовы были.

— Долго мы спали? спрашиваю я Плехина, натягивая сумки съ патронами на поясъ.

— Часъ добрый будетъ.

— А ты не спалъ?

— Нѣтъ.

Прошелъ мимо насъ фельдфебель второй роты, остановился и протянулъ мнѣ руку; еще сидя на землѣ, я подалъ ему свою.

— Ну, какъ ваши дѣла? спрашиваетъ онъ.

— Усталъ я сильно, и все пить хочется.

— Что дѣлать, всѣ мы страдаемъ отъ безводія. Вотъ, ночевать сегодня въ деревнѣ будемъ, — тамъ подтянемся и пріободримся.

— Вѣрно слово? спросилъ Асколенко.

— Что-жъ, я тебѣ врать стану? презрительно отвѣтилъ фельдфебель и пошелъ дальше.

— Встать! крикнулъ вскорѣ гдѣ-то нашъ адъютантъ.

— Встать! Встать! послышалось со всѣхъ сторонъ. Нехотя поднялись мы всѣ съ земли, медленно стали надѣвать аммуницію, лѣниво разобрали ружья и молча стали строиться и выравнивать ряды. Вокругъ меня какая то зловѣщая, мрачная тишина; лица у всѣхъ злыя, угрюмыя, непривѣтливыя.

Неужели мы пойдемъ теперь впередъ, думалъ я: неужели мы, голодные, истомленные жаждой, полусонные, станемъ снова шагать по степи, шагать безъ конца и безъ цѣли? Неужели мы теперь не откажемся всѣ разомъ итти дальше, не побросаемъ ружей и не уляжемся рядомъ съ ними на землѣ, чтобы продолжать нашъ, такъ скоро и внезапно прерванный сонъ? Да, я лягу, я сейгосъ лягу снова: вѣдь я еще не совсѣмъ выспался, я еще долженъ отдохнуть! . . . Пусть только кто-нибудь раньше меня ляжетъ, примѣръ намъ всѣмъ покажетъ.... Хоть кто-нибудь. . . . Кажется, Петріенко первый на земь опустится; онъ, вѣдь, смѣльчакъ. . . . Нѣтъ, Плехинъ: тотъ рѣшительнѣе, у того больше развитъ духъ недовольства. . . . Да все равно. . . . Но отчего же они медлятъ? . . . Опустись, же, Плехинъ, скорѣе! Я еле-еле на ногахъ стою. . . . Не опасайся, будь спокоенъ.... Я опущусь за тобою, сейчасъ за тобою лягу и я на землю. . . . И Асколенко тоже ляжетъ, и Петріенко, и весь нашъ взводъ. . . .

— Шагомъ маршъ!

И мы пошли, пошли всѣ до единаго. Я глядѣлъ тупо въ землю и почти не понималъ, что вокругъ меня происходитъ. Сзади толкнули, и я сдѣлалъ шагъ впередъ; сзади снова толкнули, и я сдѣлалъ шагъ... Еще одинъ...

— Да идите же, чертъ побери!

Какъ я выскользнулъ изъ рядовъ и какъ кто-то подхватилъ мою винтовку, я не помню. Словно во снѣ слышу я крикъ:

— Вольноопредѣляющійся упалъ!

Припоминается мнѣ только низко наклонившееся надо мной, словно поддернутое дымкой, лицо Кузьмичева и чей-то голосъ:

— Ну, одры, чего стали?

— — — — — — — — — — — — —

Я потягиваюсь лѣниво на узкой койкѣ и открываю глаза. Темно, не видно ни зги. Но я знаю, что я лежу въ лазаретной линейкѣ. Я помню, какъ меня сюда вносили солдаты, какъ два фельдшера раздѣли меня, перевязали ноги, уложили меня на койкѣ и обтерли лицо мокрой ватой, какъ нашъ сѣденькій батальонный врачъ, принявшій во мнѣ большое участіе, посовѣтовалъ мнѣ тотчасъ уснуть, не обращая вниманія на то, что онъ сидитъ въ линейкѣ.

— Я старъ и ходить пѣшкомъ не могу, словно въ оправданіе сказалъ онъ мнѣ. И я, дѣйствительно, вскорѣ крѣпко заснулъ подъ мѣрное качаніе скрипящей линейки.

Теперь доктора, очевидно, въ линейкѣ нѣтъ. Всюду тихо. Слышно только, какъ лошади гдѣ-то неподалеку сѣно жуютъ, да кто-то ходитъ медленно взадъ и впередъ.

— Дневальный, конечно, думаю я. Меня заинтересовываетъ вопросъ, гдѣ мы, собственно, сегодня ночуемъ: въ деревнѣ или въ степи? Я приподымаюсь, укутываюсь въ грубое одѣяло и выглядываю въ щелку между занавѣсокъ: пустынно и прохладно. Небо покрыто тучами, звѣздъ не видно. Въ сторонѣ направо мерцаетъ фонарикъ и освѣщаетъ слегка лишь клочекъ земли, да зады распряженныхъ лошадей.

— Мы, навѣрно, въ деревнѣ, думаю я: иначе видны были-бы огни на линіяхъ, да и докторъ спалъ бы въ линейкѣ.

Меня охватываетъ дрожь, и я спѣшу снова улечься. Мнѣ не спится. Вспоминается кой-что изъ прошлаго, подробности похода; проходитъ передъ закрытыми глазами длинная вереница образовъ. — Напишу кому-нибудь непремѣнно, при какихъ обстоятельствихъ я провелъ эту ночь, почему то принимаю я тотчасъ-же неуклонное рѣшеніе.

Прошелъ добрый часъ, пока послышались чьи-то

шаги, медленные, неувѣренные, словно кто-то ощупью ходитъ.

— Кто тутъ есть? слышу я голосъ капитана Ермолаева.

— Я, ваше благородіе, дневальный.

— Гдѣ наша лазаретная линейка?

— Направо, ваше благородіе. Промежъ коловъ ежели пройти . . .

— Пойдемъ со мной, да фонарь захвати.

— Слушаю, ваше благородіе.

Чрезъ минуту занавѣски линейки раздвинулись, и я, разглядѣвъ сразу сѣдую голову моего командира въ фескѣ, невольно зажмурилъ глаза отъ брызнувшаго яркаго свѣта фонаря.

— Спите?

— Нѣтъ, господинъ капитанъ.

— Ступай, дневальный! Фонарь пока оставь.

Капитанъ съ трудомъ взлѣзъ въ линейку, заваленную, какъ я увидѣлъ при свѣтѣ фонаря, носилками, моей аммуниціей, вещами доктора и кой-чѣмъ другимъ. Онъ постоялъ секунду, словно въ нерѣшительности, куда сѣсть, и, наконецъ, сѣлъ у моихъ ногъ, на краешкѣ койки. Я хотѣлъ, было, приподняться, чтобы капитану было удобнѣе сидѣть, но онъ меня отстранилъ рукой.

— Лежите, лежите. Я къ вамъ пришелъ запросто, какъ родной, а не начальникъ. Что, не хотите лежать? Такъ я вамъ приказываю: лежать смирно! Вотъ такъ, теперь хорошо. Ну что? Какъ вы чувствуете себя?

— Прекрасно, господинъ капитанъ; усталости почти никакой. Только вотъ голова тяжела, да нарывы на ногахъ меня очень тревожатъ.

— Пройдетъ, голубчикъ, все пройдетъ. А я, было, уже безпокоился за васъ. И полковникъ меня спрашивалъ . . . Я только-что за ужиномъ говорилъ съ нимъ

о васъ. Полковникъ позволилъ, чтобы вы завтра съ обозомъ шли.

— Какъ-же, г. капитанъ? У меня вѣдь ноги перевязаны: мнѣ ходить трудно будетъ . . .

— Я полковнику говорилъ, а онъ свое: нельзя, да нельзя! . . . Завтра мы самый длинный переходъ дѣлать будемъ, чтобы къ ночи къ городу подойти. Мало-ли что за день можетъ случиться? Солдаты, навѣрно, все падать будутъ. Поэтому, сказалъ полковникъ, нужно, чтобы линейка свободная была.

— А почему же мнѣ нельзя въ линейкѣ? Солдаты то упадутъ, или нѣтъ, а я уже ходить не могу. Не попросить ли мнѣ самому полковника?

— Какой же вы наивный. Вѣдь полковникъ, въ сущности, хочетъ предъ начальствомъ показать, что вотъ, молъ, при такомъ тяжеломъ походѣ, прямо черезъ всю степь, а все же въ городъ безъ больныхъ пришли... „Честь имѣю донести вашему превосходительству, что ввѣренный мнѣ батальонъ благополучно къ мѣсту назначенія прибылъ. Больныхъ нѣтъ“ и т. д. Ну, командиру орденокъ, батальону благодарность, а намъ всѣмъ поблажки и облегченія . . . Наконецъ, чѣмъ скверно съ обозомъ пойти? Вы всѣ свои вещи положите на телѣгу, и винтовку вашу тоже туда, а сами пойдете налегкѣ. Даже безъ сапогъ можно, прямо по мягкому. Я вамъ пару своихъ носковъ дамъ, право дамъ. Вы сверхъ перевязокъ и портянокъ надѣнете . . .

— У меня и свои есть.

— Вотъ и хорошо, вотъ и хорошо. Знаете? А я, вѣдь, вамъ свои туфли пришлю. Ей Богу, пришлю завтра съ деньщикомъ. Въ туфляхъ вы и пойдете Только вечеромъ вы мнѣ ихъ отдадите — не могу обойтись безъ туфель . . . А устанете, на телѣгу сядете. Я попрошу поручика Жилинскаго, онъ вамъ позволитъ.

— Я вамъ очень благодаренъ, г. капитанъ. Я охотнѣе пошелъ бы съ солдатами, если-бы могъ сапоги натянуть.

— А я вамъ этого не позволю. Снова упасть хотите? Я уже сегодня имѣлъ выговоръ отъ полковника; зачѣмъ, говоритъ, вы взяли его на маневры, если онъ слабенькій? А я оправдывался и говорилъ, что вы сами этого захотѣли. Смотрите, не подведите меня, если полковникъ васъ самъ объ этомъ спрашивать будетъ. А, вѣдь, и я не виноватъ; говорилъ я вамъ много разъ: не ссорьтесь съ моей сварливой бабой. Вотъ, не послушали вы меня, и стала она меня пилить каждый день: возьми, да возьми его на маневры! Ну, и пилила до тѣхъ поръ, пока я согласился. Сами, батенька, и виноваты: зачѣмъ вы ее обидѣли?

Мнѣ стало отъ души жаль старика — капитана, находящагося подъ башмакомъ своей супруги, и я вполнѣ искренно сказалъ ему:

— Ну, стоитъ-ли жалѣть объ этомъ, г. капитанъ? Прошлаго не воротишь. А вы ужъ въ будущемъ какънибудь загладьте ошибку.

— Конечно, конечно. Вотъ мы послѣ завтра рано утромъ въ городъ вступимъ, гдѣ нибудь на полѣ около города палатки разобьемъ и тамъ двѣ недѣли простоимъ. Вся наша дивизія соберется, и мы каждый день на маневры выступать будемъ. А вы устройтесь гдѣ-нибудь въ хаткѣ около лагерей: такъ, чтобы въ случаѣ надобности васъ позвать скоро можно было бы. И ни на одно ученіе я уже васъ не возьму. Я скажу фельдфебелю...

— Я вамъ очень благодаренъ, г. капитанъ, только навряд-ли я воспользуюсь вашей любезностью.

— Это почему-же? вскричалъ капитанъ.

— Совѣсть меня будетъ угрызать, если я буду барствовать. И теперь вотъ угрызаетъ. Когда я почти цѣлый

годъ жилъ внѣ казармъ, еще туда-сюда: у меня были и обязанности извѣстныя. А теперь, когда я хожу наряду съ солдатами, живу съ ними, говорю съ ними и т. д., мнѣ все не по себѣ какъ-то. Поэтому-то я и стараюсь какъ можно меньше привиллегій имѣть. Да вотъ бѣда, характера не могу выдержать: то жажда мучитъ, то усталость, то опасеніе за свое здоровье, которое не особенно крѣпко послѣ гимназіи . . . Все это и заставляетъ меня отступать каждый разъ отъ принятаго правила и пользоваться своимъ положеніемъ вольноопредѣляющагося и сравнительно богатаго, чтобы облегить себѣ трудности похода . . .

— Такъ какъ-же, голубчикъ?

Капитанъ на минуту призадумался надъ моими словами и низко опустилъ свою сѣдую голову. Феска сдвинулась на бокъ, щетинистые усы какъ-то вяло свисали внизъ, а глазъ за очками я не могъ даже разглядѣть хорошо, изъ-за полутѣни, падавшей на лицо капитана. И такъ мало было въ эту минуту въ его всей фигурѣ военнаго, строгаго, начальническаго! И столь далекимъ казался онъ мнѣ отъ своей среды, въ которую попалъ, можетъ быть, случайно, но выбраться изъ которой мѣшало полное отсутствіе воли, при наличности ума и чуткой души; столь хорошимъ, сравнительно съ его коллегами, человѣкомъ считалъ я его въ эту минуту, что мнѣ захотѣлось пожать ему руку и высказать многое, многое . . .

— Да, еще! заговорилъ онъ: и капитанъ Акелинъ на васъ очень золъ. Я, говоритъ онъ мнѣ, его, т. е. васъ, нагайкой бить хотѣлъ, сильно бить хотѣлъ. И не за то, что вы вмѣстѣ съ солдатами къ бочкѣ побѣжали, а за то, что вы воду за деньги купили. Ругался Акелинъ, когда про васъ говорилъ, ужасно; даже офицеры успокаивать его стали. „Солдаты отъ жажды падаютъ“,

кричалъ онъ при всѣхъ, — „а тотъ мальчишка“ — это онъ такъ о васъ выразился — „за деньги воды себѣ у почтаря купилъ, и самъ, навѣрно, всю воду и выпилъ! Это, кричалъ онъ, не дисциплина, это дворянство какое-то въ нашей арміи, это развращаетъ нашихъ солдатъ“... И пошелъ, и пошелъ! Будто вы всѣмъ показали, что для богатыхъ служба легкая и сладкая, а для бѣдныхъ солдатъ другая, что для богатыхъ уставъ не писанъ...

— Развѣ-же онъ не правъ, г. капитанъ? Я все это и самъ хорошо сознаю, но повѣрьте, мнѣ такъ страшно пить хотѣлось, что я забылъ рѣшительно обо всемъ.

— Онъ еще говорилъ, что хотѣлъ бы васъ не только нагайкой избить, но и командиру на васъ донести и отдать подъ судъ, да пришлось бы и солдатъ тогда наказывать, которые тоже за водою съ вами бѣжали. Теперь онъ жалѣетъ, что васъ нагайкой не ударилъ, сильно жалѣетъ. „Я, говоритъ онъ, почему не ударилъ? Потому что струсилъ въ первую минуту, испугался того, что дворянчикъ въ судъ на меня подастъ, генераламъ жалобы настрочитъ. А долженъ былъ я его ударить, говорилъ онъ еще: я ударилъ бы и показалъ всѣмъ солдатамъ, что для меня всѣ солдаты одинаковы, что нѣтъ для меня ни богатаго, ни бѣднаго, образованнаго или неграмотнаго ... Всѣ солдаты одинаковы и ровны предъ закономъ! А потомъ въ судъ пошелъ бы и сказалъ-бы генераламъ: судите меня, ваши превосходительства, судите за то, что дворянчика нагайкой ударилъ, но судите и за то, что поддержалъ въ солдатахъ дисциплину и уваженіе къ законамъ!“ ...

Капитанъ оживился и, мѣняя голосъ и осанку, передавалъ мнѣ довольно оригинально и комично угрозы капитана Акелина по моему адресу и слова его по адресу судей-генераловъ. При послѣднихъ словахъ капитана я быстро приподнялся на койкѣ.

— Это нагайкой-то онъ дисциплину поддержать хотѣлъ? вскричалъ я: пусть я провинился, я не долженъ былъ выходить изъ рядовъ, но онъ не имѣетъ права драться ни нагайкой, ничѣмъ! Солдаты тоже уставъ знаютъ, а если они терпятъ и молчатъ. . . .

— Не волнуйтесь и не кричите, успокаивалъ меня капитанъ: я ему все это говорилъ, да и другіе офицеры тоже доказывали. А онъ меня спрашиваетъ: „вы-то чего смотрѣли, когда въ вашей ротѣ такія безобразія творятся?“ А я ему отвѣтилъ: не ваше, молъ, дѣло; я самъ за свою роту отвѣчаю. Да и всѣхъ тѣхъ, что по воду побѣжали, я еще и накажу, если найду нужнымъ. Тутъ онъ какъ крикнетъ на всю хату: „не имѣете вы права наказывать этихъ солдатъ, если не накажете и дворянчика вашего!“ Какъ кричалъ, Боже мой! „Вы вашего дворянчика въ линейку наложили! вы маменькинаго сынка пожалѣли, а солдатъ наказывать хотите?“ Тутъ и я не выдержалъ: врете, говорю, мой вольноопредѣляющійся въ обморокъ упалъ, а если я солдатъ, такъ и его подъ ружье поставлю. А Акелинъ пуще на меня накинулся за оскорбленіе, что я нанесъ ему. Грозился полковнику весь случай разсказать, да офицеры всѣ просили, настаивали бросить. . . . Я потомъ ушелъ въ роту распорядиться. . . .

— Но вы никого не наказали? спросилъ я быстро.

Капитанъ посмотрѣлъ на меня какъ-то блаженно, улыбнулся и сказалъ тихо:

— Конечно, я никого не наказалъ. . . . Но не потому, что Акелинъ тамъ въ хатѣ кричалъ, меня въ пристрастіи къ вамъ обвинить хотѣлъ. . . . Не потому. . . . Я старый офицеръ. . . . Эхъ, много маневровъ я уже продѣлалъ, даже на русско — турецкую войну ходилъ. . . . Хоть въ сраженіи и не участвовалъ, а все-же походъ, что называется, сдѣлалъ. Ордена мнѣ не дали, въ чинъ

капитана возвели не очень-то быстро, а настрадались мы всѣ тамъ не мало. Вотъ, съ тѣхъ поръ знаю я, что такое походъ и что такое жажда или голодъ: во время похода на себѣ все испыталъ. Поэтому я и не наказалъ сегодня никого строго, только фельдфебелю выговоръ сдѣлалъ и ему велѣлъ на солдатъ накричать построже. Самъ завтра утромъ покричу и погрожу. Знаете, голубчикъ, вѣдь нужно, очень нужно немного поддержаться! Надо и дисциплину тоже въ ротѣ строго соблюдать. А не то выкинутъ въ отставку; пожалуй, и пенсіи почему-либо лишатъ. Куда я тогда ткнусь? Жена у меня сварливая, дѣтей много; самому кормиться надо и другихъ кормить. Я и теперь уже старикомъ выгляжу, а мнѣ, вѣдь, всего 48 лѣтъ, сорокъ девятый недавно пошелъ. Два года назадъ одинъ генералъ батальонъ нашъ смотрѣлъ и мнѣ прямо въ лицо сказалъ: „вы, Ермолаевъ, совсѣмъ не боевой офицеръ, сдавайте нужные экзамены и идите въ воинское присутствіе засѣдать.“ Я и подумалъ: до полковника, вѣрно, никогда не доберусь, а тутъ съ переводомъ сейчасъ чинъ подполковника дадутъ; окладъ больше и жизнь скромная, да мирная. Жена тоже подзадоривала: иди въ присутствіе, богатыхъ купеческихъ сынковъ освобождать будешь. . . . Ну, экзамены я сдалъ, а назначенія все нѣтъ и нѣтъ. Пока продолжаю службу, тяну лямку. . . .

Капитанъ внезапно оборвалъ свой разсказъ и поднялся съ койки.

— Ну, прощайте; заболтался я тутъ съ вами. Уже, навѣрно, поздно, и мнѣ тоже спать хочется; хорошо еще, что завтра намъ рано вставать не надо.

— Въ которомъ часу мы выступаемъ?

— Часовъ въ одинадцать, послѣ обѣда; полковникъ хочетъ хорошо покормить солдатъ. За то и приваловъ будетъ за весь день только два. Вы и полежите до

этого часу, а потомъ, когда батальонъ выступитъ, — идите къ обозу. Съ обозомъ позже и пойдете.

— Развѣ-же не вмѣстѣ пойдемъ?

— И не вмѣстѣ. По диспозиціи мы будущей ночью должны залечь около города въ цѣпи, а рано утромъ мы его будемъ штурмомъ брать, вмѣстѣ со всей четырнадцатой дивизіей. Поэтому батальонъ пойдетъ къ городу какъ-то въ обходъ, чтобы съ непріятелемъ не встрѣтиться, а обозъ нашъ отправится кратчайшимъ путемъ. Обозные около города остоновятся, ужинъ сварятъ и его солдатамъ ночью привезутъ. До свиданья!

Капитанъ пожалъ мнѣ руку.

— Спасибо за все, г. капитанъ. Если только смогу, я пойду съ солдатами.

— И не думайте, я вамъ не позволю. Я даже для васъ порученіе имѣю. Завтра вечеромъ деньщикъ мнѣ въ цѣпь мою шинель принесетъ, такъ вы ему напомните, чтобы не забылъ шарфъ и перчатки положить. Тамъ у меня есть теплыя, а онъ такой дуракъ, всегда что нибудь забываетъ. Такъ не забудете?

— Нѣтъ, нѣтъ, г. капитанъ.

— А знаете, что я вспомнилъ? Вотъ и не угадаете. Сцену изъ одного романа; можетъ быть, вы его тоже читали? Очень подходитъ къ намъ теперь. Не припоминаете? У Гюго есть романъ хорошій, изъ нашей, военной, жизни; называется: „Девяносто третій годъ.“ Читали? Тамъ въ концѣ генералъ Симурденъ приходитъ ночью къ Говену. Видите, я даже имена хорошо помню.

— Я читалъ. . . .

— А я вѣдь тоже одну вещицу написалъ, сатирическую на нашъ батальонъ. И называется она у меня: „Лошадь и Кляча“ . . . Нѣкоторымъ офицерамъ читалъ, такъ очень хвалили. Да вы зайдите ко мнѣ вечеркомъ

въ палатку; я и вамъ тоже прочитаю. Ой, будете смѣяться! А теперь я пойду . . .

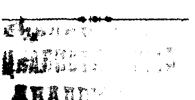
Капитанъ снова пожалъ мнѣ руку, захватилъ съ полу фонарь и съ трудомъ вылѣзъ изъ линейки.

— Укройтесь хорошенько, обратился онъ ко мнѣ: дождикъ накрапываетъ . . . Дневальный, гдѣ дорога?

— Лѣвѣй, ваше благородіе.

— Проводи меня съ фонаремъ.

И снова стало темно и тихо, только лошадь гдѣ-то неподалеку фыркнула раза два, потомъ дневальный вернулся и кашлянулъ. А я еще долго ворочался съ боку на бокъ, стараясь отогнать отъ себя разныя докучныя мысли. Воображеніе рисовало мнѣ сначала дрогнущихъ на дворахъ деревни солдатъ, затѣмъ образъ моего ротнаго командира, что-то озабоченно пишущаго за столомъ въ хатѣ, при свѣтѣ сальнаго огарка. „Сатирическій разсказъ“, шепчу я, улыбаюсь и рѣшаю немедленно заснуть. Но заснулъ я только тогда, когда дождь, долго барабанившій по крышѣ линейки, сначала стихъ, а потомъ и совсѣмъ прекратился . . .



Поступило въ продажу:

Марокъ

Амфитеатровъ, Алекс. Господа Обмановы. . . 1.50

Знаменитый фельетонъ-памфлетъ, изъ за котораго газета „Россія“ закрыта навсегда, а Ал. Амфитеатровъ (old Gentleman) сосланъ на 12 лѣтъ въ Сибирь.

Горкій, М., Три разказа (не пропущены русской цензурой) . . . . . 1.—

Голосъ изъ русской арміи. — Разоблаченія . . 2.—

Ждановъ, Сергѣй, Три мѣсяца въ „одиночкѣ“ . 2.—

Сукенниковъ, М., Первый конгрессъ русскихъ студентовъ и студентокъ, учащихся заграницей. 1.—

Спасовичъ, Вл. Семь судебныхъ рѣчей. . . . 5.—

Содержаніе: I. Дѣло о 193 лицахъ. — II. Дѣло Мровинскаго, Теглева и Фурсова — о подкопѣ подъ Малую Садовую улицу. — III. Дѣло Юрія Богдановича и Прибылевыхъ. — IV. Дѣло Вѣры Филипповой, Чемодановой и другихъ. — V. Дѣло о Варшавскомъ „Пролетаріатѣ“. — VI. Дѣло объ убійствѣ купчихи Боговской въ Псковѣ. — VII. Дѣло о Германѣ Лопатинѣ, Петрѣ Якубовичѣ и другихъ 19 лицахъ.

Марокъ

Бильбасовъ, В. А. Исторія Екатерины второй.

Томъ I . . . . . 10.—

— — Томъ II . . . . . 15.—

Изданіе, дополненное главами, не пропущенными русской цензурой.

Въ этомъ сочиненіи встрѣчаются многочисленные документы и разныя сообщенія изъ тайныхъ государственныхъ архивовъ, почему первое изданіе немедленно по своемъ появленіи въ свѣтъ было цензурой конфисковано и уничтожено. Этотъ трудъ крайне интересенъ для всякаго желающаго основательно ознакомиться съ исторіей Екатерины II. Изложеніе труда прямо прекрасно и такъ занимательно, что всякій прочтетъ названную работу съ величайшимъ удовольствіемъ. Сочиненіе Бильбасова составляетъ „событіе“ въ русской исторической литературѣ.

Флеровскій, Н. Н. Три политическія системы: Николай I, Александръ II и Александръ III 6.—

Народныя Русскія Легенды, собранныя Аѳанасьевымъ . . . . . 10.—

Толстой, Л. Н. Война и разумъ . . . . . —.60

— — Крейцерова соната 1.50

— — Въ чемъ моя вѣра . . . . . 2.—

— — Исповѣдь. Вступленіе къ сочиненію „Въ чемъ моя вѣра“ 1.50

— — Воскресеніе. Романъ въ трехъ частяхъ . 5.—

Въ настоящее изданіе вошло все, что русской цензурой не пропущено.

Марокъ

Клейншмидтъ, Арт. Три столѣтія Русской исторіи. Обзоръ исторіи Россіи со времени восшествія на престолъ Романовыхъ до настоящаго времени (1598—1898). Съ двумя генеалогическими таблицами, одной таблицей портретовъ и картой (ходъ развитія Россіи) 9.—

Содержаніе: Предисловіе. — До Петра Великаго. — Петръ Великій. — Екатерина II. — Петръ II и Анна. — Два регентства въ теченіе одного года. — Послѣдніе Романовы. — Первый Готторпъ. — Екатерина II. — Павелъ. — Александръ I. — Николай I. — Александръ II. — Александръ III. — Николай II.

Нюгольмъ, К. В.,

Положеніе Финляндіи въ Россійской Державѣ 2.50

Матеріалы по Финляндскому вопросу. Оффиціальные документы, реляціи, газетныя и журнальныя статьи и пр. 1.25

Мысли о современномъ положеніи Финляндіи . . . . . —.80

Библіотека біографій выдающихся русскихъ революціонеровъ.

Вып. 1: **Варѳоломей Александровичъ Зайцевъ** . . . . . 1.—

Марокъ

Болѣзнь и смерть Александра III. Правдивыя замѣтки . . . . . 1.—

Сущность и значеніе **конституціи** графа **Лорисъ-Меликова** . . . . . 1.—

Новые матеріалы по біографіи россійскихъ коронованныхъ особъ, составленные на основаніи заграничныхъ документовъ:

Томъ III. **Елизавета Петровна,** ея происхожденіе, интимная жизнь и правленіе . . . . . 2.—

„ IV. **Петръ III,** его дурачества, любовныя похожденія и кончина . . . . . 2.—

„ VII. **Екатерина II,** ея происхожденіе, интимная жизнь и политика . 2.—

„ VIII. **Павелъ I.** Его семейная жизнь фавориты и убійство . . . . 2.—

„ XI. **Александръ II,** его личность, интимная жизнь и правленіе . 2.—

„ XII. **Александръ III** . . . . . 2.—

Бебель, А. Женщина настоящаго, прошедшаго и будущаго времени. . . . . 3.—

Въ этой книгѣ знаменитаго автора обстоятельно обсуждается женскій вопросъ, имѣющій значеніе для нормальнаго развитія соціальнаго положенія общества. Авторъ такъ умѣло написалъ свою книгу, что она въ непродолжительный срокъ выдержала на нѣмецкомъ языкѣ 30 изданій.